

МАННЕР ИСКУССТВА
L'ART DE L'AMOUR
GALLERY
THE PERFECT MEN BOOK

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

18+

ИГРАЯ с ветром

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евсения Медведева

Играя с ветром

Серия «Договор на нелюбовь», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69269161

SelfPub; 2024

Аннотация

Знаете, говорят, что когда тебе плюют в спину, значит, ты на несколько шагов впереди, так вот... Смотреть вслед любимому мужчине означает, что он ушёл. Народная мудрость... Горькая, но зато честная... Любила его со школы, пока он не опозорил меня прямо на школьной дискотеке на глазах у одноклассников! Подонок? Да... С тех пор я и вычеркнула его из своей жизни навсегда. Если бы не та злосчастная ночь в баре спустя много лет... А теперь? Теперь он уходит к той, что ждёт от него ребёнка, думая, что поступает правильно. Но он не знает, что под моим разорванным в клочья сердцем бьётся ещё одно... Крохотное, беззащитное и уже преданное...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	51
Глава 7	63
Глава 8	71
Глава 9	77
Глава 10	88
Глава 11	99
Глава 12	112
Глава 13	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Евсения Медведева

Играя с ветром

Пролог

– Не уходи! Ты не можешь меня бросить вот так, – я растерянно осматривала толпу, лениво накатывающую на нас утренней морской волной. Цеплялась за крепкую, чуть шероховатую мужскую ладонь, чувствуя, как она медленно ускользает, забирая с собой все... любовь, защиту и жизнь мою. Хватала длинные мужские пальцы, пытаюсь продлить это мгновение близости хоть на пару минут...

Я пересилила свой стыд и как-то вызывающе смело задрала голову, сталкиваясь с прозрачностью голубых глаз. Боялась увидеть осуждение и едкую жалость к себе... Да мне самому себя было жалко, но то, что я увидела, хлестануло меня ещё сильнее!

В этих горных чистых озерах я впервые увидела муть, будто весь ил со дна поднялся, ограждая меня от себя. Он, словно нарочно, выстроил высоченную бездушную стену напускного безразличия, чтобы мысли, чувства свои спрятать. И вдруг холодно так стало... по спине побежали мурашки то ли мороза, то ли ужаса от всего происходящего.

Вставала на цыпочки, упорно ловила бегающий взгляд,

пыталась рассмотреть, понять. Готова была рассмеяться в любой момент, услышав его беззаботное: «ШУТКА!», но нет... Муть никуда не исчезала, а любимые губы медленно стали изгибаться в горькой ухмылке.

Нужно было отвести взгляд, не смотреть больше, не терзать свое кровоточащее обидой сердце, но не могла... Как зачарованная, шарила по знакомым чертам, пересчитывала россыпь морщинок у глаз, два тонких шрама над бровью, еле заметные веснушки, такую четкую линию щетины и заросший прокол на мочке уха.

– Это конец! – внезапно рывкнул мужчина, что еще вчера был центром моей Вселенной. Тот, кто сумел показать любовь, заставил поверить в это странное, немного сказочное чувство, сейчас казался чужим, холодным, напыщенно отчужденным. И голос его был таким хриплым, трескучим, как январский лед, не было в нем больше сладкой тягучести весеннего мёда. – Вероника, не заставляй меня говорить эту ванильную чушь про то, что мы не можем быть вместе! Есть такая вещь, как обстоятельства. Это жизнь, мать её, у неё козырей в рукавах на тысячу поколений вперед припрятано. Не мы первые, не мы последние...

Его слова были громкими, резкими, как майский гром, и казалось, что уже ничего не может быть страшнее, но воцарившаяся тишина оказалась поистине убийственной. Я не слышала шума веселящейся толпы, рёва моторных лодок у пристани, отдаленную музыку уличных музыкантов из под-

земного перехода. Всё стихло, померкло, и лишь сердце отчаянно билось, невзирая на зияющую рану.

– Ты серьезно?

– Ника, это просто конец... Не мучай ты ни себя, ни меня, потому что я все уже решил.

– Тебя не мучить? Решил??? Решил он, видите ли! Никогда ты не был принцем, так для чего сейчас эта самоотверженность? Откуда этот долг, это никому не нужное благородство? А как же твои слова про любовь? Ведь я поверила! Поверила, слышишь? Ты любишь меня... Любишь? Ответь! – кусала кончик языка, чтобы не шлепнуться в обморок. Ждала ответа, морщилась от невыносимых секунд молчания, наивно полагая, что можно ещё отмотать всё вспять! Ведь люблю его! Как он этого не видит? Как они все этого не видят? – Боже, никогда не думала, что скажу это... Но беременность – это не повод...

– Да, ты права, – он прошелся пятерней по уже отросшим волосам, взлохматил выгоревшие русые пряди и вскинул взгляд в небо, будто там есть ответ! Но нет! Я смотрела, там лишь беззаботные барашки облаков, что несут людям надежду. И мне они её несли когда-то... Только рассыпали, подарив другой и эту самую злосчастную, бестолковую надежду, и любимого человека. – Но, быть может, самое время начать нести ответственность?

– Я...

– Всё, – он так резко вырвал руку из моей ладони, что я

пошатнулась. Тонкие каблукы провалились в неровную поверхность брусчатки, но я будто и не заметила. Как заворожённая стояла с протянутой рукой, ожидая... А чего, собственно, я ожидала? Чего? Что он передумает, бросит беременную девушку и убежит со мной в закат вслед за кудрявыми облачками бабочек ловить?

– Это твое последнее слово?

– Да... – его слова эхом звучали в моей голове, отказываясь наполняться смыслом, но от этого легче не становилось. Я как-то внезапно для самой себя схватила его за руку, чтобы прижаться к крепкому телу, в последний раз услышать биение сердца, вдохнуть аромат пряной морской соли и сладости шоколада. Но он вздрогнул, а глаза заволокло сожалением и болью...

Я смотрела вслед мужчине, которого люблю. А это плохо. Очень плохо.

Знаете, говорят, что когда тебе плюют в спину, значит, ты на несколько шагов впереди, так вот... Смотреть вслед любимому мужчине означает, что он ушёл. Народная мудрость... Горькая, но зато честная...

Я брела по брусчатой тропинке вдоль моста и рыдала. Как в детстве. В голос, с жуткими всхлипами и икотой, что началась так некстати. Не обращала внимания на прохожих, снующих детей, противную музыку поющих фонтанов и их отрезвляюще-ледяные брызги. Покорно принимала тычки толпы, будто сама себя наказывала за слабость, никчемность

и неспособность отстоять свою любовь.

Я ненавидела это чувство жалости! Ни к себе его не испытывала, ни к другим, потому что это подло, мерзко и низко. А вот сейчас испытываю! Я рванула, не замечая людей, осуждающих взглядов. Бежала, как чокнутая, стучала каблуками, чтобы заглушить и свои мысли, и назойливую трель телефона из сумки. Не получалось ни то, ни другое... Боялась, что это Он! Боялась вновь услышать шорох ласкового голоса, боялась поверить, что ещё может быть хорошо...!

– Алло! – практически проорала я в трубку.

– Вероника Алексеевна?

– Да...

– Меня зовут Любовь, я администратор клиники «Гармония». Ваши анализы пришли. Все хорошо, Вероника Алексеевна. Могу я предложить для вас удобное время для повторной консультации? – как-то слишком радостно пропела сотрудница медицинского центра.

– Что хорошо? – я глотала слёзы, пытаюсь говорить нормально. Этой милой девушке вовсе не обязательно знать, что десять минут назад меня переехал каток любви. Хватит с меня унижений на сегодня. – Обычно когда врачи говорят, что все хорошо, означает, что анализы хуже некуда...

– Вероника Алексеевна, у вас нет повода для паники, но повод для радости есть... Примерно шесть недель... Вы беременны, поздравляю...! Ваш врач Анна Александровна...

Слышали про бумеранг? Вот... Это он. Стоило мне до-

пустить мысль, что можно не нести ответственность за свои поступки, как жизнь меня перенесла, как Элли из Изумрудного города, на желтую дорожку, на которой я осталась одна... Беременная, одинокая и растоптанная. Сила слова, сила мысли, сила любви...

Глава 1

Десять недель назад....

В баре было душно. В воздухе стоял густой дым от кальянов, из-за которого першило в горле, а в голове было мутно, как в болоте. Ненавидела табачный запах, и если бы знала, что этот вечер пойдет насмарку в модном баре, то отказалась бы от настойчивого приглашения «развлекаться». Но разве Люсю можно остановить? Если она что-то втемяшила в свою голову, то ни одно судебное постановление уже не сможет остановить рвение женщины расслабиться.

Вертела головой, пытаюсь отыскать взглядом Милку, одну из подруг, с которыми я пришла сюда, но среди плотной гурьбы танцующих было просто невозможно разглядеть даже снежного человека: все дёргались, дрыгались, сплетались руками и, очевидно, заодно языками. Откинулась на спинку мягкого дивана, закрыла глаза, чтобы не видеть творящуюся вакханалию... А ведь сейчас я могла быть в уютной тишине своей квартирки, вместо того чтобы сидеть тут!

Я косо поглядывала на сумочку, всерьез подумывая над тем, чтобы тихо смыться домой, но после Ксениной постыдной «эвакуации» злить Люсю было рискованно. Подруга взывала от негодования, когда поняла, что осталась за бортом внезапного увлечения Мишель, как называли мы нашу милую подружаню со школы, да ещё и ухажером тайным

её оказался сам мистер-сексуальный-загадка-мать-его-мачо, Герман Керезь. А ее, видите ли, забыли посвятить! Именно за это Люся щипала меня под столом, тыкала пальцем меж ребер, пытаясь вытрясти хоть малейшую информацию. Но я молчала, потому как сама толком ничего не знала, но безумно была рада за Сеньку, скинувшую траурные одеяния по мужу-придурку, которые не снимала долгие шесть лет.

Когда Милка поняла, что «язык» из меня так себе, то своим безапелляционным строжайшим тоном велела сидеть на месте и ждать, пока она отыщет для нас более-менее приличных холостых парнишек в этом скопище греха. И я сидела... Потягивала текилу, морщилась, закусывала лаймом, снова морщилась, и так по кругу.

– Прелестная пятница, – вздохнула я и снова опустошила стопку, поминая надежду на отличное завершение дня. Явно не сегодня...

– Поцелуй меня! – вдруг раздалось позади. Я даже отмахнулась, решив, что это пьяный бред больной фантазии или попросту не мне, но взметнувшаяся рука зацепилась за что-то мягкое и теплое... А ещё через мгновение мои пальцы стали влажными. Я задрала голову, уткнувшись в два совершенно прозрачных голубых кристалла в красивущих мужских глазах.

– Ника, детка, спасай... – Лев Доний, друг моего босса и отчаянный шалопут нашего города, нависал надо мной, бесстыдно облизывая мои пальцы. Его пухлые, слишком рез-

ко очерченные контуром губы обхватывали плотно, игриво проходясь языком по нежным подушечкам. Я распахнула рот, не в силах собрать свои пьяные и одурманенные мысли в кучу. Но это и не требовалось красавчику, потому что, когда он выпустил их из своего плена, начал наклоняться все ближе и ближе... Одна его рука упиралась в спинку дивана, а вторая в стол, но недолго, потому что через мгновение он схватил меня за подбородок, зафиксировал и впился губами своими! Да так, что воздух весь высосал!

Я хотела заорать, вмазать по смазливой моське что есть мочи, но почему-то не могла... Лишь топала ногами, будто это могло помочь. Его язык нагло развел мои губы, скользнул по зубам и просто дерзейшим образом вторгся в рот! Этого я вынести уже не могла... Сориентировалась и вовремя сжала челюсть, прикусывая этого изворотливого змея не сильно, но достаточно, чтобы остудить пыл красавчика. Голубые глаза вмиг распахнулись, демонстрируя пылающие искры шока и гнева... Или просто гнева... Признаться, не разобрала. Но меня уже было не испугать...

То ли алкоголь мне в голову ударил, то ли общее ощущение досады сыграло, я стала поддразнивать своим языком своего пленника. Лёва тихо мычал, будто угрозами сыпал, а сам поглаживал меня по плечу, не сводя внимательного взгляда.

– Лёва, ты не мой начальник, и я даже не на работе, чтобы терпеть твои выходки! Сейчас так по рожице твоей сла-

денькой пройдуся ноготками, мамуля не узнает! – выплюнула «пленника», уперлась руками в его грудь и с силой оттолкнула, но, очевидно, переборщила, потому что стремительно улетела с велюрового диванчика и... так звонко шлёпнулась на задницу прямо в толпу! Ноги мои, как рогатки, разошлись, а между коленками тут же возникла улыбающаяся мосяка Дония.

– М-м-м-м... Красные... Кто-то рассчитывал на бурное веселье? Сквознячок, сведи уже ноги, застудишь «пилотку», – Лёва, хоть и издевался надо мной абсолютно в свойственной ему пошло-иронической манере, но всё же сжалился и подхватил на руки, спасая от горькой участи быть затоптаннойдвигающимися орангутангами. Мне хотелось сквозь землю провалиться, отчаянно дёргала бархатную ткань платья, натягивая её на пятую точку одной рукой, а второй поправляла волосы. Доний так ловко вернул меня обратно на диван, перекинув ноги через свои колени, сомкнув свои большие ладони на щиколотках, очевидно, для надёжности.

Он махнул официанту, и пока я шипела от боли, потирая копчик, и пыталась сообразить, какого хрена тут происходит, на стол будто скатерть самобранку выбросило: фруктовую и сырную нарезки, ну и новую бутылку текилы с четвертинками лайма на ледяном кубе.

– Какого черта тебе от меня нужно, Лёвка?! Тёлки в городе закончились, и ты за приличных барышень взялся?

– Приличные носят панталоны, а не сверкают бразильской

эпиляцией сквозь тонкое кружево, – забурчал он, наклонять до тех пор, пока носом не упёрся. Затем поднес к губам стопку, силой разжал губы и... Как укусит за нос!!! Я взвыла от боли, но в это мгновение рот вспыхнул от паров алкоголя! Доний, падла, влил в меня текилу! – Сама пощупай, что ты наделала? Куда я теперь с таким стояком?

– Придурок! – я кашляла, шипела и пыталась ударить его по лицу.

– Закусывай, Сквознячок, – он быстро чмокнул меня в губы, слизывая кристаллы соли и вложил дольку ледяного лайма.

– Я не Сквознячок!

– Ну, Ветерок, – он пожал плечами и откинулся на спинку дивана, опасливо оглядывая посетителей, которых становилось все больше и больше.

– Доний, не смей меня так называть! – дёрнула рукой, чтобы вклепить этому наглецу оплеуху, но он вовремя схватил меня за запястье, притянул к себе с такой силой, что дышать трудно стало. – Я убью друзей твоих. По очереди, слышишь? Сначала Царёва, а потом и Королёва... Мало того, что придумали это прозвище, прилипшее ко мне со школы, так...

– Это я придумал, – Лёва кивнул кальянщику, водрузившему на стол огромную вонючую бандуру, толкнул по стеклянной поверхности банкноту благодарности и глубоко втянул пряно-сладкий дым.

– Что??? – я взвизгнула так, что самодовольный индюк с

не менее странной фамилией вздрогнул, роняя толстые кольца дыма. – Это я из-за тебя столько мучаюсь?

– Ника, ну давай смотреть правде в глаза? Какой из тебя Ветер? Так... Сквознячок...

– Я убью тебя...

– Боже!!! Она идет! Ника, я умоляю, полюби меня... Давай, детка, – жарко зашептал Лёва, украдкой запихивая мне в рот гигантскую виноградину, чтобы заткнуть.

Я пучила глаза, пытаюсь освободить руки, чтобы вырваться, но его силищу богатырскую мне было не победить. Ёрзала, как блошка, а со стороны, наверное, это смотрелось, как жаркая прелюдия перед сексом, и не иначе! Когда я это поняла, было уже поздно... Боже! Как хочется сдохнуть, чтобы не видеть сотни любопытных глаз, направленных на нас.

Очевидно, я слишком громко молилась о смерти, потому что Лёва решил помочь по старой дружбе и удушить губищами своими в прямом смысле этого слова! Он обеими руками обхватил моё лицо и затянул меня в какой-то неприлично-откровенный поцелуй, от которого я просто не могла дышать! Его рука сползла на талию, затем на бедро, и вот я уже сижу на нем сверху, так невообразимо пошло раздвинув ноги в своем маленьком черном платье. Но самое ужасное, что из его пут выбраться нет никаких сил! Он прижимал меня к себе так, будто мы должны слиться воедино... Горячие ладони протиснулись под платье и заскользили по заднице, то сминая кожу, но дразня странной щекотной игрой паль-

цев.

Кальянный дым словно в голову мою пробрался, одурманил гнев, решимость удавить этого конченного шутника бретелькой от бюстгальтера и всякую способность сопротивляться. И вот я уже расслабилась, ощущая вспыхивающий пожар, рассыпавшийся ожогами по телу.

– Лёвушка... – елеинный тоненький голосок зазвучал где-то над правым ухом. Я даже выдохнула, ожидая, что Доний сейчас отпустит меня, но нет! Сука! Его пальчики стали так настойчиво пробираться под кружево белья, что я опешила от столь откровенной наглости! И только когда по его плечу нервно стали тарабанить красивые, по-орлиному длинные алые ноготки, Лёва лениво отпустил меня, напоследок звонко чмокнув. Театрал грёбаный...

– Елена Михайловна... – Лёвка заулыбался, даже не думая выпускать меня, лишь так по-собственнически обнял, прижал к себе, будто нечаянно вода мизинцем свисающей с плеча руки по округлости груди. Я пыталась дышать... Делала жадные глотки воздуха, уже не обращая внимания на едкий дым, пытаюсь успокоить сердце, но не могла... Оно, как заведенное, билось, гулко отдаваясь в ушах, груди и где-то внизу живота, где было так горячо...

– Доний, ты что, подснял шкуру, чтобы отделаться от меня? – тупая пластмассовая Блонди, так откровенно предлагающая себя своими силиконовыми титьками, уместившимися на плече Лёвки, взбесила меня пуще этого театрала. Я

как-то внезапно дёрнулась, чем испугала её настолько, что она рухнула навзничь в толпу. И мне бы выдохнуть, унять обиду, но эта Леночка возомнила себя бессмертной и снова зашагала к дивану, томно виляя пышными бёдрами. Лёва, не отпуская меня от себя, развернул корпус, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Леночка, знакомься, это моя девушка...

– Что???? – заорала блондинка, но громче орала только я, правда мысленно...

– Мой Ветерок, – шептал Лёвка, жаля ухо жаром своего дыхания. В его движениях не было суеты, грубости, резкости. Он словно в талое масло превратился, опутывал шорохом голоса, нежностью касаний и быстрым бегом пальцев по открытым плечам. – Моя Вероника...

– Да моя ж постель ещё остыть не успела!

– Проветривать чаще надо, Лена Михайловна. Я уже второй месяц тебе твержу, что занят. Всё, сердце моё теперь в её титечках... Хочешь, сама проверь. Занят я, занят!

– Я ... думала, что ты про работу... – от бравады Леночки не осталось и следа. Она вытянулась в струну, переводя растерянный взгляд с Лёвки на меня. – Думала, занят и перезвонишь...

– Леночка, прости, но нас ждут, – Лёва перекинул меня через плечо и ринулся к сцене, где и проходило все бурное действие благотворительной акции, на которую нас с Ксюшей Мишиной и притащила Люся... Но что-то пошло не так...

Ксюша ползком покинул бар, скрываясь от грозного красавчика Геры Керезя, а я болталась куклой на плече Лёвки Дония...

Глава 2

– Сквознячок! – орала Люся со сцены, совсем не скромно радуясь нашему появлению. – Вы тоже решили поучаствовать?

Подруга расправила мои свисающие спутанными патлами волосы, озорно подёргивая бровями.

– Заткнись, Курочкина!

– Не хами, тебе не идёт, – Лёва опустил меня на сцену, заботливо оттянул платье, прикрывая задницу, а потом поправил лиф, съехавший с груди. Сожгу! Ей Богу, сожгу этот кусок никчемной ткани! Я откинула волосы с лица и застыла, поняв, что вся толпа собравшихся смотрит на нас, как на обезьян в зоопарке, а ведущий этого милого мероприятия задорно толкает речь.

– Лёва, отпусти меня, – шипела я, пытаюсь вырвать руку.

– Расслабься, Ника, будет весело!

О! В этом я не сомневалась... Люся уже четвертый год работает в юридической фирме, куда её переманили прямо с должности помощника судьи. Несмотря на веселый, иногда беззаботный характер, подруга моя имела отличную репутацию зверски-заинтересованного в правде адвоката. Люся Курочкина была только с виду пышкой-хохотушкой, в рабочее время превращающейся в пиранию, способную сожрать до последнего хрящика, если ты встал на её пути правосудия.

Будущему шефу пришлось знатно раскошелиться, чтобы заполучить эту птичку в свой курятник, но оно того стоило. Хотя её босс, Пётр Груздев, и сам был занятым персонажем. О его корпоративах и благотворительных акциях ходили легенды: то они палили из сигнальных ракет на тематической вечеринке в стиле «Чикаго», то пугали жителей масками «зомбаков» на благотворительном вечере «Апокалипсис», то разъезжали кортежем пожарных машин по ночному городу на чествовании юбилея «Жанны Д'Арк», а вот про сегодняшнюю тематику я узнала, только попав сюда. «Лихие 90-е...» Вы серьёзно???

И я очень надеюсь, что нас просто завернут в малиновый пиджак, покатают на «шестисотом», но я повторяюсь... Что-то пошло не так!

– Поприветствуем смельчаков! – не унимался ведущий, орущий, как ненормальный. Мужчина был в черной водолазке с тонной золотых цепей на бульдожьей шее и потрепанной барсеткой под мышкой. – Именно эти десять отважных молодых людей попытаются справиться с десяткой самых пошлых, развратных и отвязных конкурсов «девяностых»! Напоминаю, все собранные сегодня деньги, включая выручку бара, отправятся в Дом Малютки, поэтому не скупитесь. пейте, танцуйте... Мы вам зрелище – вы нам денежки...

– Лёва, отпусти, пока не поздно, – шептала я, пытаюсь вырваться из рук друга.

– Поздно, Сквознячок...

Я сначала паниковала, а потом даже расслабилась, когда другие пары стали по одному выходить на конкурсы. И вроде даже ничего эдакого там не было, всё по стандарту тех времён: кукушка меж женских ног с обязательным переворотом мужичка, морковка, тёрка, смешные фрикции, больше похожие на судорогу инсульта, но в целом весело было... Пока мы не вышли в финал... Гребаный Доний, видите ли, проигрывать не любит, как и подружания моя, оказавшаяся со своим партнёром в соперниках. Люська подпрыгивала от нетерпения, уже скинув опостылевшие шпильки в угол сцены.

– Сдавайся, Доний!

– Чибисов, уйми свою женщину! – ржал Лёва в ответ раскрасневшейся от азарта Люсе.

– Сдавайся, Лёвка, – напарник Курочкиной был ничуть не меньше взволнован желанием победить.

– Мы со Сквознячком поборемся! Да, милая?

– Заткнись, Доний... Лучше бы тебе помолчать! – шептала я, наблюдая, как на расписном подносе выносят куриные яйца!!!! И что-то мне подсказывало, что нам не яичницу придётся готовить на скорость. Ой, чую, моё веселье выйдет боком...

– Дамы... Прошу! – на сцену выкатили две кушетки. Ой, мама... Ой.... – Правила максимально просты! Наш реквизит можно только катить, но главное – яйцо должно пройти под одеждой вашей дамы. Выигрывает та пара, что первой выкатит целое яйцо!

– Курочкина! – ржал Доний, усаживая меня на кушетку. – В тему конкурс, да?

– Как жаль, что для придурков ничего не придумали! – огрызнулась Люся, вскарабкиваясь на кушетку под громкий свист своего напарника, высокого брюнета, которого я видела впервые в жизни.

Меня словно ледяной водой окатили... Я с ужасом наблюдала за абсолютно диким взглядом Дония, что уже умогнулся у моих ног. Он скинул лодочки, сжал ступни так, чтобы яйцо не провалилось, и игриво подёргивал бровью, облизывая свои красивые пухлые губы.

– Ненавижу! – прошептала я и откинула голову, лишь бы не видеть этого непотребства, в которое оказалась втянута!

– Тебе понравится...

Я даже не успела начать себя жалеть и злиться на друга, которого знаю со школы, как мои щиколотки ошпарило горячее дыхание. Кожа вспыхнула от его колючей щетины, что так стремительно прокладывала больнячий путь прямо к низу моего платья. Этот засранец успел лизнуть нежную кожу внутренней стороны бедра как раз в тот момент, когда яйцо пробралось под ткань... а следом и морда его наглая!

Я взвизгнула и подняла голову, но это и было моей ошибкой! Потому что лучше бы мне этого не видеть, не знать!!!

Доний не просто закатил яйцо, он всей своей патлатой башкой забурился под тонкую бархатистую ткань. Улёгся на меня сверху так, чтобы скрыть от беснующейся толпы стре-

мительно оголяющееся тело.

Я открыла от шока рот, собственно, куда и залетело яйцо, которое он выкатил между моих грудей.

– Зачетные сисеньки, Сквознячок. Лизну на прощание?

Я даже по известному адресу его послать не успела, как он вновь скрылся под платьем, так нагло зубами сдернул тонкую ткань бюстгальтера и втянул мой почему-то затвердевший сосок, слегка прикусив его вершинку. Меня током пробило... Я ногтями вцепилась в кожу кушетки, чувствуя, как оставляю в ней дыры, но ничего поделать с собой не могла... Меня колошматило, как от удара током! Внизу живота усиливалось пламя, во рту пересохло, а голову заполнил шум...

– И у нас есть победители!!! – орал ведущий, возвращая меня обратно на Землю.

– Малинкой пахнешь, Сквознячок, – зашептала Лёва, аккуратно растягивая по мне платье на место. – Пьяной... Будто в коньяке вымоченная.

– Ты больной!

– Возможно... – Лёва встал с меня, ещё раз прошелся ладонями по телу, подхватил за руки и стянул с этого подиума полного разврата. Ноги подкашивались, грудь вздымалась, будто я пять километров пробежала от маньяка, а щеки пылали пламенем стыда. Или не стыда?

– Чибисов, мать твою! – верещала Люся, стирая с груди сопли белка от лопнувшего яйца. – Как ты свои яйца во сне умудрился не раздавить?

– Идём, Люсь, – я сдернула с плеча Левы худи, которое он снял, когда стало очень жарко, прикрыла подругу и повела в сторону туалета. – Какого ху... хрена, Люсинда?! Какого хрена?!

– Ну, весело же! – она уже словно и забыла, что по её дорогому шёлковому платью растеклось яйцо. Хохотала, как ненормальная, стреляя в меня молниями совершенно сумасбродного взгляда. – Вот как надо веселиться, Ника! Я давно тебя зову с собой...

– Да, зная, что меня изжулькают, как банкноту, лучше бы осталась дома сидеть!

Толкнула дверь женского туалета, с облегчением обнаружив, что там пусто...

– А я считаю, что лучше быть банкнотой изжульканой, чем запасной на чёрный день! – Люся скинула платье и стала смывать с себя липкую пакость, пока я пыталась спасти шелк. – Ну, хорош же Лёва? Ты ж в восьмом классе выбирала, в кого из знаменитой троицы влюбиться? Да? Признавайся! Королёв или Доний?

– Люсинда! Мне уже глубоко за тридцать, а ты все восьмой класс вспоминаешь, – вздохнула я, понимая, что пятно от жирного желтка сможет вывести только химчистка. Как жаль... А платье было отличное.

– Ну, скажи, Вероничка, что тебе Лёвка сделал, что ты любовь свою на Королька променяла? – Люся одной рукой прикрывала грудь, а второй трясла мокрым бюстгалтером

под сушкой для рук. – Не позвал в кино? Обидел? Поцеловал другую? Ну, хоть сейчас расскажи, сдохнуть как интересно!

– Оно и видно, что сдохнуть, – я тоже поднесла платье под горячие струи воздуха, попутно прогоняя мурашки холода, что метались по рукам. – Люся, мне было четырнадцать, что ты от меня хочешь? Давай ещё секретик во дворе закопаем, а Сеньке не скажем? Или в классики пойдем прыгать под старую жопу...

– Какая старая-то? – Люся посмотрела в зеркало, оценивая свои формы, над которыми второй год корпела в спортзале. – Вот у тебя тощая, а у меня ягодка наливная. Сама видела, как молодняк клюёт.

– А кто такой этот Чибисов? – решила я сменить опасную для себя тему. – Вы работаете вместе?

– Майор он, Ник, – закатила глаза Люся, выражая сожаление. Не встречается моя подруга с представителями власти, на крови поклялась сразу после муженька первого, который после того, как она на развод подала, устроил настоящую травлю. Люську не тормозил только ленивый гаишник, и даже писать в баночку возили дважды. Её! Помощника судьи! Вот с тех пор и завязала девка... Аллергия на погоны у неё.

– Зареклась! – рубанула рукой она воздух, подчеркивая всю силу своей решительности.

– Зарекалась девка не еба...

– Фи... – Люся поспешно перебила меня, округлив от шока глаза. – Вот с Донием потискалась, и уже пошлыми шу-

точками сыплешь, а ведь какая девочка была скромная...

— Сама виновата, — я натянула на подругу высохшее платье, на котором почти не осталось и следа от казуса с яйцом.

Вопреки моему дикому желанию уехать домой, Люся все же сумела уговорить меня выпить у бара, к тому же там паслись парни, которых склеила Курочкина до того, как нас втянули в этот акт позора.

Покорно шла за подругой, приготовившись к бесконечно долгому вечеру... Крутила головой, пытаясь увидеть прозрачно-голубые глаза, но плотная толпа танцующих мешала. Да что я его ищу? Зная Лёвку, можно быть уверенной — он уже наверняка на пути к дому щиплет блондинку за коленку. Дура!

— Дамы... — высокий брюнет развернулся на барном стуле, протягивая нам пузырящееся шампанское с ягодками малины на дне...

Ну, может, этот вечерок можно ещё спасти?

Глава 3

Голова болела так, что думать было невозможно! Я стонала, а потом стонала от того, что стонала... и так до бесконечности!

Попробовала пошевелить сначала рукой, потом ногой... Фух... на месте.

Оставалось самое сложное – разлепить веки. Осыпавшаяся тушь слиплась, залепила колючим глаза, будто нарочно замутняя картинку. Я на ощупь скатилась с кровати, по памяти повернула в сторону ванной комнаты, но со всей дури врезалась в стену.

– Чёрт! – застонала я, прикладывая холодные ладони ко лбу, где сегодня непременно вылезет шишка. Как я на свадьбу Царёва пойду? Бля-я-я...!!! Свадьба! Какой час?

Я распахнула глаза и замерла...

Там, где ещё вчера была беленькая новенькая дверь в ванную комнату, красовалось каменное панно из оникса с красивыми охровыми разводами.

– Не-е-т... Не-е-т... – зашептала я, медленно опуская голову. – Чёрт!!!

Я стояла у чужой стены, в чужой, мать его, квартире, совершенно голая!!!! Из глаз брызнули слёзы, заново слепляя ресницы в паучы лапки. Стянула с кровати простынь, укуталась, уродуя белоснежный сатин чёрными разводами туши,

и стала осматриваться.

Комната была мне незнакома, от слова совсем. Тут не то что не было даже намек на владельца этого шикарного помещения, здесь толком вещей-то не было!! В приоткрытой двери гардеробной виднелись огромные пустые стеклянные стеллажи, а на полу – груда сумок и чемоданов, словно сюда переехали совсем недавно.

– Ладно, Ветер, – шептала я, поглаживая себя по холодным плечам. – Не прикована, и хорошо. Значит, если и попала к извращенцу, то к очень лояльному и жалостливому.

Схватила с прикроватной тумбы длинную, похожую на деревянный посох вазу и, размахивая ей на всякий случай, стала обходить помещение.

– Ванная... – выдохнула, вбежала внутрь и заперлась на замок, сползая по двери на пол. – Какого чёрта! Хорошие девочки не просыпаются в постели незнакомца! Вот если бы мне это рассказала Курочкина, я бы с удовольствием послушала рассказ про её бурную ночь, поржала и забыла, потому что это Люсинда! Она может! Но я! Вероника-зубрилкина по прозвищу Сквознячок, я не то что не просыпаюсь у мужиков, я у них и не засыпаю!

Встала и начала умываться ледяной водой, пытаюсь прояснить вчерашний вечер... Но, кроме карих глаз того брюнета, протянувшего нам с Люсей шампанское, ни черта не помнила! В голове словно черная дыра образовалась. Ни мыслей, ни воспоминаний, лишь страх и стыд.

– Так тебе и надо! – я вновь и вновь хлестала себя по лицу, пытаясь вспомнить подробности прошлой ночи. Но без толку!

Понятно было одно – оставаться здесь опасно. Нужно рвать когти, пока ещё могу ходить. Я снова подхватила оружие одной рукой, быстро открыла замок второй и побежала в спальню, правда, ноги запутались в длинной простыне, и я полетела...

Весьма странная, но все равно красивая ваза взмыла в воздух и рухнула прямо на пол, разлетелась на сотни мелких осколков. От грохота мои перепонки явно треснули, потому что я перестала слышать собственное сердцебиение. Застыла, как статуя, с опаской смотря в дверной проем. Минута... Две... Двадцать? Я не знаю, сколько я так простояла, прежде чем услышала знакомую трель телефона.

– Мой! Родненький! – я зачем-то рухнула на пол и на коленях поползла на звук. Миновав коридор, увидела страшное...

Прямо от массивной дубовой двустворчатой двери тянулась дорожка улик: две полупустые бутылки шампанского, разбросанные туфли, красный лифчик, платье и сумка, из которой и слышался писк.

Я, как ищейка, шла по следам: схватила бюстгальтер, засунула его в сумку, кое-как напялила платье, да только задом наперёд, чтобы эту гребаную молнию застегнуть, но что-то пошло не так...

– Да! – запищала я в трубку, увидев, что звонит Ксюша. Даже если меня сейчас поймают и убьют, подруга сможет найти меня по геолокации. Она сможет!

– Сквознячок, – запищала в трубку Мишель, очевидно чувствуя свою вину за то, что бросила своих подруг на радость извращенцам и опасности. – Как твои дела?

– Ой, Сенька... Я такая дура! – зашептала, оглядываясь по сторонам, пока пыталась застегнуть это дурацкое платье, что вчера мне ещё пипец как нравилось. – Я в такой заднице...

– Не поняла. Ника, ты дома? – голос подруги вмиг растерял лёгкость и небрежную игривость, пропуская нотки беспокойства.

– Я же сказала, что я в заднице, – прислушалась к звенящей тишине квартиры, быстро выглянула в приоткрытую дверь гостиной и заскулила. Все мягкие велюровые подушечки цвета мокрого асфальта валялись на полу, там же лежали мои красные трусы, и ещё несколько бутылок дорогого шампанского стояли странным клином, будто кегли. Какого черта здесь вчера было? Мы играли в боулинг моими трусами? – Блядь... Где я?

Не став искушать судьбу, я рванула к дверям, молясь лишь о том, чтобы они были открыты. Золоченая ручка легко поддалась, и я, подхватив свои лодочки, шмыгнула в коридор, откуда вела только одна дверь... Лифт...

Даже думать не стала, ткнула светящуюся кнопку и взвизгнула, когда створки распахнулись. На хромированной

панели стройными двумя рядами горели кнопки со странными цифрами, больше похожими на номера квартир, чем на этажи, и лишь в самом низу были две кнопки с надписями «Паркинг» и «Лобби». В таком виде мне никак нельзя к людям. Даже если ночью не изнасиловали, то сейчас запросто прижмут где-нибудь, и чао, Вероничка Ветер... Смело выбрала паркинг, решив, что оттуда смыться незаметно будет намного проще.

– Ника! Ты дура, что ли? Если ты не дома, то где?

– Мишина, только не ори, и без тебя голова трещит...

Конечно, трещит!!! Да я так не пила с универа, вернее – с того момента я так сильно не напивалась никогда! Тише, Ветерок... Тише...

Сейчас сядем в такси, и всё закончится. Главное – выбраться из западни. Створки лифта медленно открылись, но стало только хуже... Я застыла с одной туфлей в руке, пялясь в хитрые карие глаза Германа Львовича Керезя, моего второго босса, на руках у которого вальяжно лежала Ксюша... Да какого чёрта тут происходит!!!

– О, детка моя любимая. Меня караулишь? – рассмеялся Герман, осматривая меня с ног до головы своим отвратительно царапающим пристальным взглядом. Ненавидела, когда он так смотрит, сразу кажется, что ко мне подключены миллионы невидимых проводков, которые могут меня поджарить током его гнева по любому поводу. Схватила край платья, что так и не смогла застегнуть нормально, пытаюсь

прикрыть хоть что-то, по чему он не успел пройти своими глазками. – Уже готова к свадьбе? Прекрасно выглядишь. У стилиста была? Номерок подскажешь?

– Герман Львович! – пискнула я, чувствуя, как створки лифта нервно дёргаются, словно решая, то ли раздавить меня, как мушку, то ли помиловать. – Сеня?

– Так... Ты где была? – Ксюша дёрнулась, спрыгивая с его рук, и потянула меня на себя, чтобы уже успокоить пищаний лифт. – Ты блядовала, что ли?

– Блядовала, признавайся? – заржал Керезь и, прикурив, сел на капот машины Королёва, припаркованной у входа. Я, что, у Королёва была??? – Так-так... Что дальше?

– Да не знаю я, у кого была! Проснулась от твоего звонка в пустой незнакомой квартире! – я судорожно натягивала вторую туфлю, по-пьяному забавно балансируя.

– А этаж какой? – вмешался Гера, на что получил шиканье Ксюши. Мой строгий босс улыбнулся, но замолчал. Хм... Забавно. Это так работает? Надо запомнить.

– Не знаю я, какой этаж! В этом странном лифте даже кнопки странные, четырёхзначные! Выбежала, как сумасшедшая, – я отвернулась от Германа и дёрнула за собачку молнии. – Помоги, Сень, пока меня тут не арестовали за харассмент. Он, вообще-то, мой начальник.

– В смысле, ты не знаешь? – Ксюша присела на колени, пытаясь справиться с изогнутой собачкой. – С кем ты уехала?

– Я не помню!

– А Люся?

– За ней пришёл шкафчик и унес в неизвестном направлении, а меня забыл. Или не шкафчик... Или не забыл... Я не помню!!!! Ничего не помню!!! – я хныкала, как ребёнок, топая ногой от безысходности. Затылком ощущала настороженный прищур, а обернувшись, напоролась на такую странную полуулыбочку. – Герман Львович...

– Я могила, Ника... Ты помогла мне, я помогу тебе, – договорить босс не успел, как взвизгнули тормоза, и рядом с нами остановился чёрный мерин Кerezя. Наш водитель смущённо отвёл взгляд в сторону, а мне пипец как стыдно стало. Чёрт!

– Езжай домой, потом разберёмся.

– А вдруг меня изнасиловали, и я пока просто этого не поняла? – охнула я, обнимая Ксюшку за шею. Когда поняла, что в безопасности, и моей жизни уже ничего не угрожает, так захотелось расплакаться!

– Ага... Поэтому у тебя засосы на шее, животе и... – Сеня стала так откровенно тыкать в разрез платья. Я опустила голову и мгновенно зашторилась, чтобы никто не увидел этой срамоты! Весь лобок и низ живота были расписаны мелкими засосами, будто кто-то раскрыл коробку с синевато-бордовыми бабочками, облепившим мою воспалённую кожу.

– Замолчи! – запищала я и рванула неисправную молнию, чтобы спрятаться от её наполненного смехом взгляда, осмат-

рывающего весь масштаб катастрофы.

– Насильники же первым делом засосы на лобке оставляют. Где твои трусы? – шептала подруга, не учтя момент, что мы на пустом паркинге, и звук тут живет своей жизнью. Герман откровенно хмыкнул и тактично отошел к водителю, чтобы поскорее отряхнуть уши от ненужной ему информации.

– Мишина, очень много вопросов! Особенно при посторонних! – я пальцами причесала волосы, как могла, и, нацепив солнцезащитные очки, мгновенно преобразившись, поплыла в сторону мерина. – Герман Львович, моё мерси вам...

– Рад служить, Сквознячок, – смеялся Герман, открывая для меня заднюю дверь авто. Я улыбалась так широко, как только могла, даже пропустила мимо ушей ненавистное с детства прозвище. Кстати, из его уст оно звучало не так обидно. Странно... Я чуть сдвинула очки, когда наткнулась не на привычный ледяной взгляд Керезя, а на улыбку. Таковую простую, широкую, искреннюю. Он захлопнул дверь машины, оставляя меня один на один со своими спутанными мыслями.

Глава 4

Всю дорогу до дома я пыталась разбудить спящий мозг... Но без толку!

Мне было страшно настолько, что казалось, в любой момент начнётся какая-нибудь паническая атака! Прислушивалась к телу, ощупывала голову, пытаюсь обнаружить следы удара... Конечно!!! Меня вырубили каким-нибудь топором по головушке моей пустой и беспечной, иначе каким образом ещё я могла оказаться пленницей в чужой квартире? Ну, не по доброй же воле и зову сердца туда пришла???

А ещё мне было очень стыдно... Щеки пылали, по шее ползли пятна, а ещё я почесывалась, как делала всегда в состоянии нервного возбуждения. Усердно пряталась за широким кожаным креслом, практически прижимаясь к окну, чтобы водитель не смог заглянуть в мои бесстыжие глаза, потому что я сама на себя смотреть уже не смогу никогда!

Дура! Дура! Какого хрена я не ушла сразу за Мишель-кой? Ещё и в позорную игру перед бывшей пассией Дония позволила себя втянуть. Идиотка! Сожгу все свои дипломы, грамоты и расплавию медали, потому что эти регалии могут сколько угодно всему миру доказывать степень моей образованности, но разве это что-то значит в реальности? Как умница, отличница, звезда факультета могла оказаться в такой ситуации? Вот именно! Только если она оказалась непрохо-

димой, наивной дурочкой! А ещё если она является лучшей подругой Людочки Курочкиной. Точно! Люся! Она адвокат, вот пусть и защищает теперь мою попорченную честь.

Я достала телефон, намереваясь набрать её, но он предательски пискнул и, моргнув красным значком разряженного аккумулятора, вырубился. Да что за день-то такой??? Нужно срочно обзавестись личным астрологом, нумерологом и прочими специалистами, чтобы знать, в какие дни выходить из дома категорически запрещается! Очевидно, вчера мне просто необходимо было лежать под кроватью с банкой мороженого и грудой шоколада. Но поздно, Ветерок, уже просто нужно смириться и попытаться разобраться.

– Владимир Петрович, спасибо вам огромное, – кинула в водителя воздушным поцелуем и, сграбастав платье за подол, чтобы не разошлась молния, выскользнула из салона.

– Герман Львович сказал дожидаться и доставить тебя в целости и сохранности на свадьбу Царёва, – Вадим Петрович, очевидно, понял, что я смущена до предела, поэтому и делал вид, что увлечён настройкой медиасистемы, лишь бы только не поворачиваться в мою сторону.

– Спасибо, дядя Вадик, мне нужно минут...

– Я подъеду через час, – перебил он меня. – Успею машину помыть.

– Спасибо...

На свадьбу Царёва я просто обязана была приехать, иначе мой шеф меня убьет. Нет, сначала позорно уволит, а по-

том убьет! Я сама вызвалась быть ответственной за встречу гостей! Дура... Сто раз дура! А если честно, то мне просто хотелось показать, что я умею организовывать не хуже распиаренных чуваков из свадебных агентств.

– Ну и для чего мне всё это? – шипела, протискиваясь мимо консьержа по стеночке. – Я и так на хорошем счету... Да и Царёв мне не начальник. Вот вечно тебе, Ника, нужно влезть в бутылку, из которой без масла не выскользнуть...

Влетела в свою уютную квартирку, скинула платье и, не дернув бровью, отправила его в мусорное ведро. С глаз долой, предатель!!!

Я замерла на мгновение перед ростовым зеркалом, рассматривая свое отражение. Губы чуть припухшие, по краям небольшие корки, как у подростка, что целовался до рассвета на ветру. А от самой шеи по телу раскиданы небольшие засосы... Черт! Ну и маньяки пошли...

Встала под душ и позволила себе разреветься. По-настоящему, навзрыд. Выплескивая все эмоции, что клубком ядовитых змей шипели внутри меня. Куда в таких случаях идут? В полицию? В прокуратуру? К врачу? Тогда к какому? К психотерапевту, однозначно, иначе почему вместо того, чтобы зарыться в кипу одеял, я до сих пор собираюсь на это дурацкое мероприятие?

Вновь и вновь прогоняла вчерашний вечер по минутам, но без толку. Последнее, что я помнила – знойных брюнетов у стойки бара. Помню, как мы с Люськой подсели к ним,

как весело болтали и пили дорогое шампанское, сладкие пузырьки которого с ярким ароматом абрикосов так приятно дурманили мои мысли. Помню красавчика, что так откровенно ко мне клеился, его руку, небрежно переброшенную через спинку моего кресла, и пальцы, играющие с бархатом бретельки. И все... Дыра!

Собиралась я, как заведенная. Даже не открыла створку шкафа, где висело специально купленное платье, потому что с моими позорными отметинами самое время в водолазный костюм облачаться.

Слава шопоголизму и щедрой зарплате, что платит мне Мирон! Из недр гардеробной я выудила совершенно новый шелковый брючный костюм красивого глубокого синего цвета, что совершенно волшебным образом оттенял цвет моих глаз так, что они вспыхивали неоновыми фонарями в беспросветной мгле. Быстро накрутила небрежные локоны, заколола их у висков шпильками, чтобы скрыть синяки, которые не удалось замазать корректором. Отошла вглубь коридора, откровенно любуясь отражением. Жакет подчеркивал линию талии, жесткие борта дерзко топорщились, красуясь рельефом декольте, а узкие брюки-дудочки открывали изящные щиколотки. Прелестно... И для кого ты стараешься? Уж не для маньяков ли?

И когда я почти была готова, из спальни раздалась трель телефона. Надевая босоножки с тонкими ляпочками, я допрыгала до вибрирующего куска пластика и с облегчением

выдохнула. Люсинда...

– Какого хрена...!!! – орала она в трубку так, что мои вялые попытки возмутиться вылетели в открытое окно. – Ника! Какого, мать твою, хрена???

– Не-е-ет... Ты тоже?

– Тоже что? – она вдруг снизила громкость и стала шептать в трубку. – Тоже проснулась в постели незнакомца? Тоже ничегошеньки не помню? Тоже бегу по центральной улице со сломанным каблуком, делая вид, что так теперь модно??? Что тоже?

– Фух... – я снова выдохнула и рухнула на кровать. – Люся, я тоже ничего не помню. Думала, что ты помнишь хоть что-то!

– Ты шутишь?

– Не до шуток мне, Милка. Я проснулась голой в чужой пустой квартире, позорно собрала шмотки и слиняла. Ты... ты... Ты думаешь, нас могли...?

– Глупости не говори, Ветер. Если нас увезли насильно, то должны быть свидетели, видеозаписи с камер, которыми напичкан наш город. Да и проснулись бы мы с тобой в одной квартире, а не в разных. И вообще, по статистике, жертвы насильника уже не просыпаются...

– Люся!!! – я вскочила и стала метаться по квартире, пытаясь успокоить сердцебиение. – Нас могли убить!

– Могли, но лично я еле ковыляю, и это не из-за туфли, мать её, за сорок тысяч, а потому что мне было вчера пипец

как весело. Жаль, что я ни хрена не помню...

– Жаль??? Люся, я хочу напомнить тебе, что нас похитили, изнасиловали, и черт знает что ещё с нами сделали, а тебе хорошо было?

– Я надеюсь, что мне было хорошо, – горько вздохнула подруга, растеряв свой боевой настрой. – Не бойся, Сквознячок, мы обязательно разберёмся, что было вчера...

Мне вовсе не это хотелось услышать от подруги. Чувство тревоги с новой силой затянуло меня в омут беспомощности и собственного позора. Мне хотелось услышать от Люси подробную реконструкцию вчерашнего вечера, но её растерянность, слёзы и бурлящий гнев выбили последнюю ножку на моём косоногом стуле уверенности... Земля поплыла под ногами, и лишь трель телефона возвращала в реальность. Я всё узнаю... Точно узнаю.

Глава 5

Я почти не опоздала на свадьбу, почти не думала о вчерашнем и почти не собиралась плакать. Внутри поселился сверчок страха, что орал каждый раз громче пожарной сирены, как только оставалась одна.

С рассадкой и встречей гостей я справилась, поэтому позволила себе забиться в дальний угол фуршетной зоны, устроившись у высокого столика с бокалом «Беллини». Гоняла густую жидкость трубочкой, изредка прикладываясь губами к бокалу, и все время озиралась по сторонам, словно пыталась найти того, кто откроет этот ларчик воспоминаний.

Но моя удача сегодня, очевидно, уже наела шампанским и крепко спит. Что ей... Это же я проснулась в чужой постели и ни хрена не помню, а не она! И лишь трескучий стыд душил меня при каждом удобном случае.

Люся права, если бы меня изнасиловали, то вряд ли оставили одну в шикарной квартире в самом центре города без наручников и кляпа во рту. Такой беспечной безнаказанностью даже министр Северного полюса не может похвастаться, ведь сейчас не 30-е, журналистика свободна, порою даже слишком.

Нет! Я точно знаю своё тело, а оно мне при каждом шаге орёт, что вчера у меня был секс, а по ноющим мышцам и дрожащим ногам можно определить, что вполне бурный.

Я крутила запястья, пытаюсь высмотреть хоть малейшую потёртость от верёвки или шёлкового галстука, как у мистера Грея, но фиг... Кожа моя была ровненькой, без единого намёка на связывание. Чёрт! Замкнутый круг какой-то!

– Детка... Ты просто космос! – горячее дыхание и грудной голос выдернули меня из камеры смертников, куда я уже готова была себя загнать окончательно. Напряглась всем телом, а потом расслабилась, даже не повернув головы в сторону шутника Лёвки Дония.

– Лёва... Лёва... Ты юмористический кастрат, как бедный котик моей матушки, – растянула губы в самой лучезарной улыбке, как только друг, которого я знаю ещё со школы, вышел из-за спины. Сказать, что он был удивлен – ничего не сказать... Лёва откровенно таращился на меня так, что его глазные яблоки вот-вот должны были выпасть мне в бокал. – Как на тебя тёлки ведутся, а? Только на смазливенькое личико?

– Сквознячок, ты таблетку бесстрашия проглотила, что ли? Или терпение моё испытываешь? – Лёва забрал бокал из моих рук, подозрительно принюхался к коктейлю и наглым образом вручил стакан с соком, сдёрнув его с подноса пробежавшего мимо официанта. – Я ничего противозаконного не сделал, чтобы меня кастрировать!

– Ты меня втянул в авантюру!

– Ты сама согласилась, – он щурился, смотрел на меня так, будто пытался отыскать соринку в глазу, но я смело вздерну-

ла нос и отвернулась от его пытливого взгляда.

Какого чёрта он так пялится, будто знает обо мне что-то ТАКО-О-ОЕ, от чего сдохнуть можно прямо здесь? А может, это он...???? Он и есть тот ненормальный маньячело?

Не-е-е...

«Ника, тебе сквозняком голову надуло, что ли????»

Дония я знаю ещё со школы, этот ловелас-охотник не «гадит» там, где ест. Я даже влюблена в него была до восьмого класса, пока он не разбил моё сердечко... Никогда ему этого не прощу! Да и живёт он в «Вишнёвом», кажется. Во всяком случае, я туда отправляю с курьером документы, когда Королёв просит.

– Согласилась? Что ты, мавр, знаешь о женском согласии? Да ты ж меня, как куклу, телепал по всему бару!

– Я не понял, – Лёва наклонился ко мне, дернул за руку, заставляя повернуться к нему, и уставился ТАКИМ взглядом, что душно стало почему-то. Его прозрачно-голубые глаза сверкали холодными искрами, он будто сканировал меня, пытался мысли прочесть. – Ты чё, головой ударилась, когда с кровати упала?

– Лёва, с какой ещё кровати? – попыталась выдернуть руку, но куда там... Этот длинноволосый мачо даже не думал расслаблять хватку, вдобавок прижав меня к столику второй ручищей, что уложил на пограничную с задницей зону. – Отпусти меня!

Черт... А может, он правда что-то знает? Так... Мы при-

творились перед его силиконовой стервой... А потом? Так... Помню, как сушила платье Люси в туалете... Но почему оно было мокрым? Че-е-ерт! Меня начало мутить, спазмы то подкатывали к горлу, то исчезали, а мозг сигнализировал паническим сигналом бедствия.

Пропала я... Бесповоротно пропала! Что со мной? Старость? Деменция? Альцгеймер? Я даже задрала вторую руку, чтобы оценить силу тремора... Но нет. Пальцы чуть подёргивались, и то от странного жара, что от подкашивающихся ног стал подниматься к копчику, куда медленно спускалась наглая ладонь Дония.

— Какого ху...— Лёва сжал губы, поймав свой мат на последнем слоге, опасливо обернулся, оценивая нечаянных свидетелей нашей «милой дружеской беседы», а потом наклонился так близко, что кончик его носа так щекотно стал скользить по щеке. — Ты ничего не помнишь, что ли?

— То, что мне нужно, я помню! — огрызнулась, намереваясь сбежать, потому что находиться рядом с ним оказалось чревато последствиями поцелуев и дальнейшим беспамятством. Меня бросало в жар, ноги подкашивались и так странно дрожали, а сердце подозрительно трепыхалось...

Ника! Только не это! Только не это! Не ведись на его мосю красивую и такой бархатный грудной голос... А ещё этот характерный только ему аромат ядрёного янтарного рома, чего-то древесного и одновременно пряного, и сладкого, почти фруктового... Я, оказываясь рядом с ним, словно в по-

утреннему свежему лесу бродила, наполненному ароматом мелкого дождя, мха и прелой дубовой коры.

Даже не заметила, как закрыла глаза, вдыхая этот магический аромат, от которого растворились и моя тошнота, и головная боль, преследующая меня с самого утра. Лёвка в свойственной себе абсолютно наглой манере буквально щупал меня, уверенно спускаясь к заднице, а я, как безвольная букашка, продолжала слушать его шепот.

– И что же ты помнишь, Сквознячок...

– Что твоя дражайшая Лена Михална очень расстроилась, увидев твою наглую тушу рядом со мной, Доний. Ты не мог бы впредь отшивать телок без моей помощи?

– Ах... Вот так? – Лёва выдохнул и цапнул меня за мочку уха, беспардонно поигрывая с ней языком.

Я от возмущения открыла рот, хотела было дёрнуться, но он будто был готов к этому финту! Стиснул меня, как куклу, буквально вжимая в свое крепкое тело, явно не планируя отпускать. Чувствовала биение его сердца, тепло кожи, боролась с накатившей сонливостью из последних сил! В его объятиях было хорошо... спокойно. Я даже не поняла, как уложила голову ему на плечо, будто тело предало мой возмущённый разум, намереваясь уснуть в его объятиях прямо посреди торжества!

– Отвали от меня... Вон сколько рыбок в этом пруду, – говорила шёпотом, через силу, намеренно жалила его словами, не понимая, почему так хочется обидеть, задеть.

– Хм... А действительно.

– Вот! Иди, Левушка, сезон охоты на тупых сисястых баб объявляю открытым.

– Твои сисеньки все же в топе, – я слишком расслабилась, даже упустила момент, когда он нырнул лицом в довольно глубокий вырез пиджака и укусил меня за сосок!!!

– Блядина! – меня будто вырвало из сна!

Смотрела, как он, не обращая внимания, на любопытные взгляды гостей, копошится в моем декольте так некстати надетого на голое тело пиджачка, и готова была сквозь землю провалиться. Ко мне будто силы вернулись, вырвала руку и ка-а-а-ак саданула по его щеке, заглушив на мгновение музыку...

– Бля... – зашипел он, хватаясь за вмиг покрасневшую скулу. Я вжала голову в плечи, сама не понимая, чего ожидать от разъярённого Льва. Но, приоткрыв глаза, напоролась на его улыбающуюся морщину. Да он, козлик, ещё и веселится? – Ника, я даже не думал, что ты такая дикая кошечка. Где твоё невнятное мурлыканье и стыдливо опущенные глазоньки, которыми ты меня каждый раз встречаешь в офисе Королёва?

– Вот и познакомились, – чувствовала, что краснею. Видела сотни любопытных взглядов и, как ни странно, больше всего боялась, что Доний сейчас сбежит, оставив меня наедине с этой хищной до сплетен толпой. – Ты мне не начальник, могу и коготки выпустить!

Ой, мамочки...

Но нет. Этого жеребца пощёчиной не спугнуть. В его прозрачных кристаллах глаз засверкало что-то новое, необычное и даже странное. Лёва рассмеялся, так красиво закинув голову назад, а потом и вовсе руку протянул.

– Идём, Сквознячок, я тебя проветрю.

– Доний, что в твоей головке, а?

– В голове моей опилки, – протянул он шутливо, как-то неожиданно ловко крутанул меня вокруг оси и, наперекор всем ожиданиям, прижал спиной к своей груди. – И ветерок.

– Боишься, что укушу? – даже не сопротивлялась, позволяя этому наглецу сплести наши пальцы. Откинула голову, закрыла глаза, вдыхая шлейф его аромата. Крепкая мужская грудь вздымалась как-то рвано, даже резко, но это не пугало, а наоборот. Я успокаивалась, тревога растворилась в глухом стуке его сердца, а мысли замедляли судорожный бег.

Не танцевала с ним с той чёртовой дискотеки в восьмом классе, на которой и осмелилась пригласить одного из самых популярных старшеклассников на белый танец...

– Боюсь, Ветерок, а то вид у тебя такой, будто мозг твой правда просквозило не на шутку, – зашептал он, а от его дыхания по голове забегали мурашки.

– А я думала, ты из тех, кто ни черта не боится, Лёва.

– Не бояться только дураки и глупцы, Никусь, а я за своё хозяйство ой как переживаю, а попка у тебя мягкая и такая безопасная...

– Урод ты, Доний, – рассмеялась и нарочно толкнулась задницей, правда, тут же отдёрнулась назад, когда так отчетливо наткнулась на его откровенную эрекцию.

– Ты же не думаешь, Сквознячок, что твоя шаловливая игра не возымеет эффекта? Признавайся, соблазнить меня решила? Поэтому так эротично коготки выпускаешь?

– Лёва, надо было тебе тогда, в восьмом классе, всю скорлупку раскрошить, – тихо посмеивалась я, все смелее и смелее прижимаясь. Лёва оказался весьма пластичным, в его движениях не было резкости, лишь плавный танец бедер и крепкие объятия.

– Какая идиллия, – Герман Львович как-то неожиданно выплыл из толпы танцующих. – Вот это я понимаю – дружба со школы, да?

– И не говори, – Лёва чмокнул меня в ухо, да так звонко, что перепонка задрожала. – А алгебру все равно за меня решать отказывалась. Королёву решала, а мне писю в тетрадке рисовала, мужскую, естественно.

– Потому что надо было учиться, а не зажиматься в раздевалке спортзала с Олями, Ленами и Катями! Да и старше ты меня на три года был.

– Заучка, что с неё взять? – Лёва гоготнул и пресек мою попытку вырваться из его мертвой хватки.

– А ты бабник!

– Звучит как оскорбление, тебе не кажется, Лев Саныч? – Керезь так загадочно улыбался, прикрываясь полупустым

бокалом с чем-то янтарным.

– А я согласен с вами, Герман Львович, может, накажем?

Находясь спиной к этому шутнику, я не могла видеть его глаза, крутила головой, пытаюсь понять, что он задумал.

– Как? Может, прилюдная порка?

– Герман Львович! Вы на чьей стороне? Профсоюзы ещё живы, я уверена, что найдется подходящий для бедной помощницы директоров-тиранов, – наигранно захныкала я, наблюдая за высоким кареглазым брюнетом.

Мой второй босс был настолько горячим мужчиной, что все, даже глубоко замужние дамы, бесстыже оборачивали головы ему вслед, а я внутри закипала от гнева несправедливости, отыскивая в толпе мою подругу Сеню. Хотелось орать, что занят этот ментор-выдумщик, и во всё горло призывать мужей внимательнее следить за шаловливыми жёнушками.

– Тогда, Лев Саныч, боюсь, вам придется справляться с этим ураганом в одиночку. Не хотелось бы проверок, – Герман осушил бокал, поставил его на столик и как-то понуро поплёлся в сторону паркинга. – Вадика я забираю, позаботься о даме. И на самолёт не опоздай.

– Есть!

– Ещё чего, я вызову такси, – я вновь попыталась освободить руки, но моё положение было настолько беспомощным, что пришлось сдаться.

– Ещё чего, – передразнил меня Лёвка и вновь стал кружить в танце. – Опять забудешь что-нибудь.

– И ничего я не забыла!

– Ну-ну...

Мы кружились, издалека провожая молодых к лимузину, кружились, наблюдая, как редет толпа гостей, освещая центральную дорожку стоп-сигналами отъезжающих машин, кружились, пока музыка не стихла, а над горизонтом не стали растекаться первые золотистые волны рассвета...

– Поехали, Сквознячок, прокачу с ветерком.

– Шутник...

Глава 6

В машине я скинула неудобные босоножки, подобрала ноги и, уткнувшись в колени, смотрела в окно, за которым уснувшим цветком распускался рассвет. Вжималась в кресло, мечтая как можно скорее оказаться дома. Косила глаза, наблюдая за моим неожиданным таксисом-охранником, с благодарностью охала, следя за рвущейся стрелкой спидометра. Не я одна хочу прекратить эту пытку. Не могла находиться рядом с ним. Ну не могла! Когда он заезжал в гости к друзьям, я линяла на обед, в магазин, или попросту сама отвозила договора по клиентам. Эти его прозрачные глаза будто на дно меня утягивали, где не было света и воздуха. Я как рыбка открывала рот, бегая по всему офису, лишь бы не пересекаться. Но самое странное, что даже не пыталась анализировать причину своего абсолютно детского поведения. А потом привыкла. Знала распорядок, стараясь уехать до его появления. Всё прекрасно было... Пока мы не переехали в новый офис, что был недалеко от его автосалона. И теперь Его автомобильное Величество появлялось, когда ему вздумается!

– Как дела? – Лёва открыл окно, впуская свежесть ветра, что мгновенно стал трепать его длинные волосы, собранные в хвост на затылке.

Сколько его помню, он вечно шел наперекор моде: когда

все носили дрэды и отращивали длинные патлы, Лёва сверкал лысой черепушкой, а теперь наоборот. Но ему шло. Я украдкой рассматривала его резкий профиль: прямой нос, широкие скулы, глубоко посаженные глаза с ярким контуром темных густых ресниц и по-мужски выразительные брови. Вот все в нем было идеально, как с картинки, оттого и девки за ним толпами гонялись всю жизнь. Он, как жук, вечно в малине был, покоряя слабый пол лучезарной улыбкой тонной медовых комплиментов и колким юмором, которого всегда было мало.

– Хорошо, – прятала улыбку, стараясь не выдавать своего странного воодушевления.

– Мы с тобой давно не разговаривали, – Доний жестом попросил разрешения закурить. Мне все равно было, потому лишь плечами подёрнула. – Мне иногда кажется, что ты специально убегаешь. Я тебя обидел?

– А мы с тобой никогда не разговаривали, – отвернулась от него, чтобы прекратить это жалкое любование другом. Боже... Какого чёрта я оказалась с ним в одной машине? Уж лучше пешком брести по трассе, чем в замкнутом салоне, где всё пахло его чарующим ароматом.

– Да, и это странно, – он откинулся в кресле, медленно курил, постоянно бросал в мою сторону загадочные взгляды, а я улыбалась, наблюдая за ним теперь в отражении тонированного стекла. – Тогда поговорим сейчас. Ты замужем?

– Доний, ты сначала прилюдно облапал женщину на сва-

дье друзей, а потом спрашиваешь, не прилетит ли тебе от ревнивого мужа?

– А ты вечно отшучиваешься, Сквознячок.

– А ты вечно говоришь глупости.

– Так что? Замужем? – Лева вдруг дернул меня за правую руку, на безымянном пальце которой было простое серебряное кольцо, подаренное бабушкой.

– Нет.

– Почему?

– Думала, Королёвой стану когда-нибудь, а не вышло...

– Только не говори, что ты втрескалась в своего босса! Не огорчай меня шаблонностью. Это так банально, – Лёва как-то зло усмехнулся и сам, поняв, что реакция вышла слишком яркой, отвернулся. – Или ты в него ещё со школы влюблена?

– Доний...Доний... – алкоголь делал свое дело, я ощущала внутри какую-то бурлящую смелость и непреодолимое желание высказать ему всё, что о нём думаю. – Ты упустил своё счастье ещё на школьной дискотеке, где прилюдно предпочел мне Светку Лазаревскую.

– Кого? – Лёва нахмурился, будто рылся в библиотеке своей памяти, но там уж давно все пылью поросло, потому что картотека его пассий за эти годы стала больше, чем архив НКВД. – Она хоть красивая была?

– А это уже неважно, – мы как раз подъехали к моему подъезду, поэтому я с облегчением надела босоножки и хотела забрать с заднего сиденья сумку, когда буквально впе-

чаталась в его губы... Сухая теплая мужская ладонь легла на лицо, он большим пальцем обласкал кожу, прижавшись губами. Не шевелился, не пытался углубить поцелуй, просто так и сидел, закрыв глаза.

Внезапные картинки закружилась в моем мозгу, а по телу заструился ручеек раскаленной лавы. Щеки вспыхнули, сердце заколотилось, а уже знакомое бесконтрольное бурление стало биться внизу живота электрическими разрядами. Внутри будто пазл складывался из ощущений, что током пробивали меня и вчера, и сейчас. Я, как оголённый провод, телепалась в луже, отчаянно прося помощи или просто глоток свежего воздуха, чтобы мозг включить, потому что пробки мои явно повыбивало. Меня будто перезагрузило, и вспышки воспоминаний стали метаться в мозгу бестолковыми обрывками комикса.

– Сука! – зашипела я, вспоминая и те постыдные конкурсы на сцене клуба, и его наглую моську, высунувшуюся из моего платья, и горячие губы, что, не стесняясь невольных зрителей, истязали грудь! Недолго думая, я вновь саданула его по щеке и выскочила из машины.

Слезы ручьем побежали из глаз то ли от обиды, то ли от ощущения несправедливости. Подъездная дверь открылась, выпуская соседа со сворой собак на поводке, а я и рада была, желая скрыться из виду как можно скорее. Вбежала по лестнице, кинулась к родной двери и только тогда осознала, что сумку оставила на «месте преступления».

Обида, боль, разочарование и жалость к самой себе захлестнули меня волной, я скатилась по холодной стене прямо на пол, заочно извиняясь перед дорогим костюмом. Зарыдала от бессилия. Меня будто в ловушку поймали, подразнивая ароматным кусочком сыра. Рыдала, как ненормальная, решительно не желая возвращаться к нему.

– Может, всё же к врачу? – тихий голос разорвал тишину лестничной площадки. Я распахнула глаза, уставившись на Лёвку, размахивающего связкой ключей от квартиры и моей сумочкой. – Вставай, простудишься.

Он не стал дожидаться членораздельного ответа и подхватил меня, прижав к себе, пока второй рукой открывал дверь.

Ну почему со мной все это происходит? Где я нагрешила? Почему все сразу должно свалиться на мою голову? Нельзя ли порциями выдавать тот позор, что припасен для меня? Ау! Я ещё планирую лет пятьдесят прожить, может, на старость немного оставить?

– Какого хера? – Лёва заорал и стал отчаянно шарить ладонью по стене. – Мать твою, Ника, где у тебя тут свет врубается?

Но лучше бы он этого не делал...

Иногда лучше не знать. Не видеть...

Как только свет вспыхнул, я сползла по стене, наблюдая, как с потолка свисает огромная «сиська» натяжного потолка, а по дорогущим обоям хлещет вода прямо на новенький паркет, который уже и не видно было, лишь мои туфли, что

я примеряла перед выходом и не стала убирать обратно в стеллаж, сиротливо плавали каблуками вверх. Им не хватало только пиратского флага, как знамение, что моя милая квартира, доставшаяся от бабушки, захвачена.

– Сидеть! – Лёва сбросил меня на пуфик, вручил сумку и стал метаться по квартире, осматривая масштаб бедствия. Кричал что-то в телефон, сыпал хлётским матом, а потом и вовсе выскочил на площадку.

Возможно, я бы так и просидела в полной прострации, глотая слёзы, если бы мне на голову не полилась вода! Ледяной поток смыл укладку, застилая плотным занавесом волос глаза. Я завизжала и, задыхаясь от неожиданности, стала метаться по квартире, утопая в воде по щиколотку.

– Черт! – захныкала я, сбрасывая шелковые брюки и туфли, чтобы и их не угробить. Мои боссы-тираны все же не настолько много мне платят, чтобы сменить весь гардероб, угробленный за сутки.

Заметила форму, что бросила на комод после пробежки, сняла пиджак и натянула безразмерную белую футболку на себя. Отнесла вещи в спальню и побежала в ванную. Достала все тазы и стала выгребать воду, понимая, что это бессмысленно! Я вычерпывала воду медленнее, чем она лилась с потолка. Бегала с тазом, щурясь от ужаса каждый раз, проскальзывая под свисающей глыбой, что могла рвануть в любой момент смертоносной гранатой!

– Я тебе сказал сидеть! – грохнул Лёва, вбегая в квартиру.

И я выдохнула... Не ушел... Не бросил.

– Да мою квартиру сейчас волной вынесет из этого дома, а я сидеть должна? – орала и одновременно плакала, вылавливая проплывающую мимо обувь. И даже не заметила, что шум воды прекратился, а по стенам больше не льётся.

– Стояк... – как-то нелепо замычал Доний, пялясь на меня так, будто я голая была.

– Что?

– Стояк перекрыли, – он вырвал из моих рук тазик и, как робот, стал вычерпывать воду. – Умоляю, прикройся, а то второй стояк прорвёт...

И только сейчас я опустила голову. Тонкий намокший хлопок слился с кожей, превращая меня в обнажённую мокрую статуэтку посреди всемирного потопа. Ткань даже не думала что-то скрывать, казалось, даже наоборот, она старательно подчеркивала грудь, темные бусины сосков и даже татуировка, тянущаяся по ребрам, была настолько отчетливо видна, что я оцепенела.

Лёва выгребал воду, повернувшись ко мне спиной, чтобы не видеть, позволив мне откровенно пялиться на шикарный вид сзади... Его белая рубашка точно так же намокла, демонстрируя резкий ход напряженных мышц плеч, извилистый рисунок татуировки, узкую талию и упругие ягодицы. Меня будто вновь водой окатило... Стала задыхаться, хватаясь за стену, лишь бы не рухнуть к его ногам. Из этого странного морака меня вывели громкие крики и мужские голоса

с лестничной клетки.

– Боже, Ника, прикройся! – зашипел он, выпрямляясь, но не успел. В квартиру уже ввалились мужчины в резиновых сапогах. Отступать было некуда, поэтому мне пришлось прижаться к Левке, чтобы не светить своими прелестями перед посторонними. Уткнулась лбом в его спину и разрыдалась.

– Ох, ни хрена себе, – крикнул мужичок, осматривая образовавшийся сталактит посреди прихожей. – Нехило рвануло, Петрович... Точно стояк.

– Так, мужики, любоваться потом будем, пора исправлять, пока нас всех не смыло.

Лёва бросил тазик, завёл руки за спину, накрыв ими мои ягодицы, и стал по стеночке двигаться мимо сантехников в сторону открытых дверей в спальню.

– Спасибо, – еле выдавила я, проскользнула в комнату, а он с горьким вздохом захлопнул дверь, скрывая меня ото всех.

Запрыгнула на кровать, стянула мокрую футболку и взвыла волчицей! Меня точно прокляли! Я всегда смеялась над нелепостями, что случались с Люськой, грозясь написать роман о её бесконечных «удачных» замужествах и коротких «леваках», очевидно, что судьба решила отомстить мне. Но почему так жестоко-то???

– Ника, а где у тебя...? – дверь распахнулась, и в пороге застыл Лёвка, рассматривая меня уже без всяких там преград. Он широко распахнул глаза и в каком-то животном же-

сте облизал губы, шаря по мне обжигающим взглядом. – Тебя точно продуло!

Он вошёл, быстро укутал меня в одеяло, смотря одним глазом, и сел на кровать, прижимая к себе.

– Меня не продуло, а прокляли! Лёва! Сначала ты со своими конкурсами, потом потеря памяти, потоп. Дальше что? Извержение вулкана???

– Вероника, я тебе обещаю извержение вулкана, если ты не прекратишь светить титьками, – он резко встал и, не поворачиваясь в мою сторону, прохрипел: – Звони соседям снизу, их нет дома. И ещё, у тебя есть страховка?

– Нет... – всхлипнула я, представляя всю степень беды.

– Понятно, – вздохнул Лёва и снова вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Примерно час по моей квартире ходили незнакомые люди, слышала голоса, крики и забористый мат. Я все же собрала все силы в кулак и надела плотную толстовку с начёсом, чтоб уж наверняка, джинсовые шорты, чтобы не смущать друга, вернее, самой не смущаться от его колючего взгляда.

Сначала было так неудобно, что пока я тут трусливо отсиживаюсь, зализывая обиду, Донию приходится решать проблемы, которые его не должны волновать. Но потом даже расслабилась и выползла на балкон, растянувшись в кресле. Солнце уже взошло окончательно, припекая своими шаловливыми лучиками прозябшую от воды кожу.

– Можно? – поскрёбся в дверь Лёва, когда голоса стихли.

– Да.

– Стояк перекрыт до сих пор, акт составлен, воду вычерпали. Сантехники пыхтят, обещают к вечеру заменить трубы, – отрапортовал, падая в соседнее кресло. Он закурил и устало откинул голову. – Я могу рассчитывать на кофе?

– Левушка, ты можешь рассчитывать даже на завтрак! – бросилась ему на шею, обняла крепко-крепко, утопая в густоте лесной древесины. – Я просто не представляю, что бы я делала одна!

– Гони завтрак, Сквознячок. Скоро привезут осушители, – Лёва шел за мной следом, пока я, зажав ладонью рот, осматривала масштаб катастрофы. Как ни странно, паркет не вскрылся, плашки, выложенные ёлочкой, конечно, в некоторых местах разбухли, но не критично. Правда, обои под замену, да и сморщенное полотно натяжного потолка больше походило на сдувшуюся женскую грудь.

– Не бэбай, детка, – Лёва нагло подтолкнул меня в кухню. – Я тебе оставляю номер мастера, он придет к вечеру, чтобы оценить фронт работы. Нет, лучше я сам ему наберу.

– Зачем тебе всё это? – я включила кофемашину и замерла у столешницы от внезапной мысли.

– А ты прям вот таким меня ублюдком считаешь, да? Я должен был бросить тебя?

– Не должен был, но мог, – развернулась, сложив руки на груди.

– Не мог, – Лёва снял мокрую рубашку, повесил её на

спинку стула и с сожалением осматривал свои лоферы, а потом скинул и их.

– Снимай штаны, сейчас в сушилку заброшу. Ты торопись?

– На самолет я уже опоздал, – он задумался, бросил взгляд на часы, а потом вытряхнул из карманов ключи, телефон и портмоне, стянул брюки и вручил мне. – Начнут мои друзьяшки пить, устраивать разврат и веселье без меня.

– Организую я тебе самолёт, это моя работа, Лёвушка, – шептала, искоса поглядывая на огромного мужика на моей крохотной кухоньке. Он пил кофе, задумчиво просматривая почту в телефоне, а я глаз не могла оторвать от его профиля, красивой шеи и извилистых штрихов татуировки, утекающих прямо на спину, где был набит огромный орёл с распахнутыми крыльями. Я хапнула воздух, ощущая вернувшийся жар и странную дрожь. Держалась за стойку пальцами, чтобы не взорваться от гнева, когда заметила алые полосы царапин на его спине. Сука!

Готовила омлет рваными движениями, специально брякала вилкой по стеклянной миске, желая хоть как-то выплеснуть злость. Всё думала-думала... Уж не у Леночки ли он ночевал? Или новую дурёху в баре склеил? Кстати, какого хера его туда занесло? Лёва будто мысли мои читал, откровенно посмеивался и благодарил и за брошенную на стол вилку, и за омлет, что прилетел на стол инопланетной летающей тарелкой. И пока сушилось белье, я демонстративно села ис-

кать билет, а он сходу прыгнул в мою кровать, укрылся одеялом и уже через минуту тихо захрапел.

– Вот так номер...

Хотелось заорать, что-нибудь разбить, чтобы он не спал тут в моей мягенькой кроватке! Но прикусив язык, вновь вернулась к ноутбуку, понимая, что отблагодарить его могу только так. Пусть берёт моё «спасибо» и проваливает к своим Леночкам, Танечкам и прочим бабам!

Билеты были только на вечер, я быстро оформила, выслала электронную копию на почту Дония и, даже не раздумывая, легла рядом. Сдвинулась на самый край, стараясь даже не дышать, но тяжелая рука внезапно опустилась на мою талию и одним рывком припечатала к груди, топя в своем волшебном облаке мужского аромата.

Голова закружилась, тело стало мягким лёгким, как пёрышко, в горле все пересохло, а сердце стало пропускать удары. Смотрела на сомкнувшиеся на моём запястье его длинные пальцы с еле заметными коростами на костяшках, будто этот шикарный мужчина ещё балуется уличными драками. Ощущала колючую щетину на макушке и щурилась от глубоких вдохов и резких выдохов. И как-то хорошо стало. Легкое ощущение, что я уже это видела, пронеслось в голове, но исчезло, как только дымка сна заволокла глаза...

Глава 7

– Японский городской... – выругалась Люся, входя в квартиру. – Ника... Ты же недавно закончила ремонт!

– Ой, Курочкина, замолкни! – я с сожалением осматривала ободранные от старых обоев стены, снятый потолок и гору обуви, что я пыталась высушить специальными приспособлениями. – Если бы не Лёва, я бы утопилась. Честное слово! Вот прямо в той луже.

– Мужик! Я даже удивлена, – Люся с сожалением осмотрела «братскую могилу» красивых туфелек, горько хмыкнула и пошла за мной.

– И не говори, он так быстро сориентировался, будто его топят дважды в день. Я сантехника две недели ждала, чтобы новую ванну установить, а он в пять утра их поднял, заставил приехать и исправить всё, что было в их силах. А ещё, Люся, он сам поговорил с соседями снизу, избавив от долгих объяснений, что я не верблюд, – выдала подруге тапочки и махнула в сторону кухни, что пострадала меньше всего. Вот! А мама говорила, что моя идея сделать высокий подиум, чтобы выровнять уровень пола с балконом – бред. Будто знала, ей Богу! – Ещё и бандуры эти притащил...

Проснулась я после всемирного потопа в одинокой пустой постели, и лишь терпкий аромат напоминал, что я не сбрендила, и мне это вовсе не приснилось. Вскочила и стала обхо-

дить пустую квартиру, но нашла лишь гудящие коробушки, а на столе инструкцию и телефон мастера, которому нужно было позвонить. Исчез Лёва, как лёгкий эротический сон...

Я пнула агрегат, что уже вторые сутки бухтел, осушая мою квартиру. Бесил, конечно, но без него я будто жила в сауне, особенно днем, когда солнце отчаянно испаряло влажность в квартире.

– Мы точно о Лёве говорим? – Люся села на мягкий диван, подобрала ноги и нахмурилась, будто сверяя факты.

– Меня прокляли, а его вылечили? – рассмеялась я, разливая зелёный чай с мятой по чашечкам.

– Точно! Это все ваш поцелуй!

– Какой ещё поцелуй? – я напряглась, потому что Люси в машине просто быть не могло!

– Ника, да весь бар видел эту тропикану. Вы ж чуть диван к чертям не спалили, а про конкурс я вообще молчу! Чибисов аж растерялся и яйцо мне прямо на груди раздавил, – Люся открыла коробку с моими любимыми эклерами из соседней кондитерской. – Слушай, Сквознячок, а чего ты его в оборот до сих пор не взяла?

– Какой оборот? Люся, ну какой оборот? Мне к врачу надо! К врачу! Я ж не помню ни хрена! Скажи, может, это опухоль? – я в тысячный раз ощупывала черепушку, каждый раз скользя по новой шишке на затылке. – Вот здесь, пощупай.

– Я тебе, че, МРТ на ножках? – шикнула смехом подруга и отвесила мне звонкий щелбан за страшную мысль, что я

по слабости впустила в голову.

– Я уже устала вспоминать. Люсенька, скажи, что ты всё-всё вспомнила!

– Нет, – выдохнула подруга, откинувшись на спинку и стала растирать переносицу. – Надо собрать этот пазл! В бар мы пришли вместе, Мишель убежала, за ней рванул Керезь, так?

– Ага.

– Дальше я пошла к шефу, а по пути познакомилась с теми красавчиками. А когда хотела тебя пригласить за наш стол, увидела, что и без меня тебе не скучно, – не удержалась от едкого замечания Люсинда. – Хотела было вернуться в жаркую компанию мужичков, как, сука, Спиренков из досудеб-ки, вытолкнул меня на сцену.

– А Чибилов откуда взялся? – я очень увлеклась, закидывая в рот одну шоколадную конфету за другой.

– А я не хотела со Спиренковым в конкурсе участвовать, поэтому и вытянула из зала Чибисова, – Люся сжала губы, как делала это всегда, когда начинала особенно осторожно фильтровать вылетающие слова.

– Так вы знакомы? – полушёпотом выдавила я, пытаюсь не спугнуть разговорчивость подруги.

– Нет, Ветер, я первому попавшемуся дала себя помазать! – всплеснула руками Люся и отвернулась к окну. – Виделись в прокуратуре. Два раза...

Зависшую тишину взорвал наш с ней смех. Эх... Девочкам всегда нужно или посмеяться над бедой, или от всей ду-

ши поплакать. Мы выбрали смех. Обнялись и гоготали во всё горло, лавируя по тонкой грани слёз. Не контролировали громкость, выплёскивая всё напряжение, в плену которого находились все эти дни.

– Приличная женщина, – выдавила я.

– И не говори, – Люся стёрла слёзы и достала из сумки ежедневник. – Значит так, я была в баре и попросила посмотреть видео с камер.

– Ой! Точно! – заверещала я и запихнула в рот целую шоколадку. – Какая же ты умная!

– Умная-то умная, вот только записи там обрываются ровно на том моменте, когда мы пересели с теми мужиками от барной стойки за столик, – Люся грызла колпачок ручки и напряженно смотрела в аккуратно воссозданную картинку на странице ежедневника. – С виду всё было так прилично. Ели, пили... Пили, ели... – шептала Люся, вновь и вновь перечитывая страницу, исписанную мелким аккуратным почерком. – А потом бах... Тот, что с татуировкой на руке, разливал по столу бокал вина, и запись обрывается.

– Это ещё почему? – я выгибала голову, пытаюсь понять, что же там такого интересного написано.

– А потому что мы пропустили всё самое интересное, Ник. Оказывается, что в том баре произошла какая-то эпичная драка. Двое мудаков отлупили какую-то компанию, представляешь? Ну, а там, где одна драка, там и массовый беспредел. Кстати, бар до сих пор закрыт на ремонт, поэтому

лучше бы вы с Донием сожгли его, дали бы шанс на страховку бедному владельцу, – горько вздохнула Люся, показывая мне фото когда-то шикарного бара. – И это в приличном месте, Ник. Что за придурки устроили там погром? Но этого мы не узнаем, собственно, как и имена парней, с которыми познакомились. Кстати, а ты не помнишь, как их зовут?

– Не-а, – отмахнулась я, потому что даже вспоминать их было почему-то неприятно. – А коллеги? Люсь, это же был благотворительный вечер вашей конторы! – осенило меня. – Ну не мог же никто не видеть, как нас с тобой похитили?

– Ника, к тому времени из трезвых там остались только официанты. Кого спрашивать-то? У нас пол-офиса с финглами, как после Куликовской битвы, – Люся выругалась и перечеркнула какую-то надпись, обведенную в кружочек миллион раз.

– А Шкапчик? Ну, тот охранник на входе, помнишь? Ты еще к нему подкатывала!

– Ничего я не подкатывала! – возмутилась Люся. – Да и обиделся он за Чибисова... Не понравилось Шкапчику, что я в конкурсе участвовала, даже помочь с видеозаписями отказался. Пришлось искать телефон владельца.

– Точно! Ты же говорила, что Чибисов этот мент? Так пусть поможет? А давай ему заявление напишем? – я вскочила на ноги и стала расхаживать по кухне, то и дело поправляя широкие велюровые кресла изумрудного цвета. – Позво-ни ему!

– Не буду, – буркнула Люся и закрыла лицо ладонями.

– Стоп! – осенило меня. Какая же я ду-у-ура! Я настолько зарылась в самобичевание, что так и не спросила, где это проснулась моя Милка! – Ты что, у Чибисова проснулась, гадюка такая?

– А что это я гадюка? – вспыхнула Люся и стала ходить по кухне за мной, как хвостик. – Я хотя бы знаю своего маньяка в лицо, а ты вообще проснулась хрен знает где!

– Точно... – захныкала я, скатываясь прямо на пол. Поджала ноги, обняла колени и вновь горько расплакалась. – Мила, мне страшно.

– Не реви, Ветерок, – подруга опустилась рядом, обняла и зарылась мордочкой в моих волосах. – Зато у тебя появился защитник. Лев он, или кто?

– Мила, ты сама-то веришь в то, что говоришь? Лёва – великий пофигист и бабник! Он же ни одной юбки не пропустит.

– Это да... Но ещё несколько дней назад я была уверена, что он яйца свои сам почесать не может, не то что прекратить потоп. А тут бах... Шкатулочка-то с сюрпризиком оказалась.

– Это точно...

– Ну? А теперь скажи, что Лёвушка хороший? – подруга заговорщицки заиграла бровью. – Скажи, Сквознячок... Я помню, как ты пряталась в спортзале, наблюдая, как он с парнями в баскетбол играет.

– Скажу, если признаешься, что Чибисов тебе в душу за-

пал, – смахнула слёзы, наблюдая, как щёки моей Милки наливаются румянцем смущения. – Кстати, как его зовут-то?

– Да не помню я, – неправдоподобно отмахнулась Люся. – Не птица, и ладно...

– Ой, Курочкина! Два тебе по орнитологии!

– В смысле? Что, оп-я-я-я-ять? – взвыла она, сползая всем телом на пол. Я хохотала так, что лёгкие горели, в то время как подруга корёжилась, извергая тонны проклятий в адрес всего животного мира, что попадался на её пути. Подруга моя была всегда влюбчивой, за это и поплатилась тремя отметками в паспорте, вот только мужья её были все, как на подбор: Козлов, Баранов и Курочкин...

– Как твой «куриц»? – Милка всегда придумывала смешные прозвища своим мужьям, над которыми мы сначала посмеивались в узком кругу, но вскоре их имена стирались из памяти, оставляя «Козликов», «Бяш» и «Кур».

– Подала заявление на развод, – хоть Милка и вздохнула горько-горько, но сверкающие азартом глаза слепили, выдавая эту шикарную брюнетку с потрохами. – А он плачет второй день у своей матушки на груди в МОЕЙ квартире. Можно я у тебя поживу пару дней? Пока он зализывает обиду, а потом я отправлюсь в отпуск, где меня ждёт море, пляж и загорелые мужчины...

– Оставайся. Мой ковчег – твой ковчег. И заметь, без кур, козлов и баранов... Я хоть покормлю тебя, – ткнула подругу, с удивлением осматривая откуда-то взявшуюся стройность.

Лицо её так изумительно заострилось, подчёркивая глубину зелёных глаз, острый носик и дерзкие скулы. Люся довольно посматривала на своё отражение в зеркальной поверхности духового шкафа и не могла сдерживать улыбку. Хорошо ей было, а это не скрыть... Влюбилась, Люсианада... Ой, влюбилась...

— Сама ешь, вон, кожа да кости, — она вернула мне тычок под рёбра, а потом начала щекотать.

Мы ещё долго смеялись, пытаюсь не думать о той треклятой ночи в баре, и смотрели в интернете виды птиц, чтобы моя подруга вновь не попала впросак.

И сердце вроде отпускать стало. Лёгкий перезвон счастья стал заполнять душу, вот только занозой сидела досада. Мой внезапный рыцарь не написал ни единого словечка за всё время своего отсутствия! А вдруг... Вдруг... Вдруг у меня крышу тут сорвало?

Глава 8

Лёва

– Ты серьёзно, что ли? – Керезь валялся на диване и ржал во всю глотку, заглушая своим смехом великолепный и успокаивающий шум прибоя. Я вновь приложился к горлышку бутылки, сделал несколько больших глотков в попытке прогнать это ужасное чувство досады, что прочно поселилась внутри. – Она тебя не вспомнила? Смотрела в глаза и не вспомнила???

– Нет, бля**! Отвали, Гера! – я со всей дури пнул ротанговое кресло и вылетел из дома. Каждый раз становилось душно, когда вспоминал о бывшей школьной подруге. Бля... Откуда она взялась на мою голову?

– Нет, Лёва, теперь ты от меня уже не отделаешься, – друг выскочил следом за мной. – Доний, так что получается, что все эти слухи вокруг твоей секс-персоны были байками? А что? Если женщина, проведя с тобой ночь, сбегает из квартиры, а наутро даже не может вспомнить, с кем загуляла, то ты плохо старался, старик, – Гера шёл по пятам, долбя в темечко своими колкостями. – Обидно, больно, но нужно смириться и принять...

– Какого хера я тебе рассказал? – я по старой привычке прошёлся по волосам, чтобы поправить резинку, но... СУКА!! Керезь, падла, отомстил мне за прокол с родителями

Сеньки и отрезал во сне мою гриву. Я чуть от инфаркта не умер с утра, увидев своё отражение. Ладно, хоть не налысо... Пришлось утром мчаться в салон и исправлять ситуацию. Пальцы непривычно проскальзывали, а на лицо теперь постоянно спадали короткие пряди. Взревел и рванул к кромке моря, ноги погрузились в холодный зыбкий песок, а ласковые волны пытались успокоить мой бушующий гнев.

– Можно подумать, я не знал, – Гера закурил и сел на песок, смотря в чёрное звёздное небо. – К личному лифту есть выход всего у десяти квартир, Лёва... Всего у десяти.

– И что?

– Ну, считай сам, – подмигнул он и стал загибать пальцы. – Царёв, Королёв, Керезь...

– Всё, заткнись! – зашипел я и рухнул рядом с ним. – Какого чёрта я поддался на уговоры переехать? Сидел бы в «Вишнёвом», дышал бы чистейшим воздухом. А теперь вот, – взмахнул бутылкой, расплескав по песку добрую порцию спасительного обезболивающего. – Как, Гера, мне теперь свою самооценку собирать?

– В «Вишнёвом» у нас свои шпионы имеются, – зашептал Гера. – Ладно, друг, я заткнулся. Ты мне скажи, какого хрена Сквознячок ничего не помнит? Напоил её, признавайся?

– Придурок ты, товарищ прокурор, мне бабы и так дают, какого хрена мне их травить? – я вздрогнул от воспоминаний того вечера...

... — Лёв, а это что за долбоящеры, жадные до чужих женщин? — крикнул Кирилл Чибисов, перегнувшись через столик, за которым мы глушили водку. Я, потому что впервые оказался отвергнут, а он... Да по тому же поводу.

Даже не успел понять, как Ника с Милкой выскочили из женского туалета, угодив за столик к незнакомой мужской компании. Наблюдал, как один из них нагло скользил пальцами своими сарделечьими по её спине, играя с упругими локонами, и сжимался от бурлящего гнева. Успокаивал себя, заставлял дышать полной грудью, но всё напрасно было. Ладони почему-то горели, внутри всё клокотало, а пальцы в кулаки сжимались, требуя драки.

Ещё Чибисов, мать его, подначивал своими ценными замечаниями. Меня колотило так, будто на электрический стул присел по собственной воле. Извивался, пытаюсь не упустить из виду столик у бара, за которым веселилась Ветерок. А она будто нарочно уселась спиной, прикрываясь шикарнейшей копной шоколадных волос. Играла крупными локонами, перекидывая их с одной стороны лица на другую, шёлковая пелена рассыпалась, на мгновение открывая игриво выглядывающий край татуировки, скрывающийся под её абсолютно противозаконно-откровенным платьем. Да это даже платьем назвать было сложно! Кусок бархата, дарующий мне надежду золотой змейкой молнии вдоль позвоночника. Как же мне хотелось дёрнуть за сверкающий крестик и содрать эту бестолковую накидку, что всё равно ни хрена не прикрывала...

Смотрел так, будто в этом многолюдном баре мало было красивых девушек, но нет... Мой мозг пульсировал, а в носу застрял аромат её пьяной малины. Какого хрена, Лёва? Что случилось?

Не было у меня ответа...

Я всегда на неё смотрел, как на мелкую из 8-го «а». Помню её пухлые румяные щёчки, тугую косичку и голубое платье ниже колен. Она была малышкой, которую было принято оберегать не меньше, чем Сеньку Мишину, с которой мы выросли на одной лестничной площадке. Она же всегда была у меня на виду до первого курса, когда я сбежал из родительского гнёздышка. Малышка-заучка из 8-го «а»...

Я поёжился от своих крамольных мыслей, от которых кровь закипала, а пах наливался бурлящим оловом. Меня прожигало изнутри что-то запретное, внезапное... Смотрел, а в голове крутилось «не трожь... не трожь... ВОЗЬМИ!!!».

Как девочка с косичками за один вечер могла трансформироваться в смертоносно сексуальную фурию? Эти её глаза чистые-чистые, вздёрнутые бантиком губы и такая порочная родинка над губой... Откуда это всё? Додумать я уже не успел, потому что рванул с места, когда увидел, что один из мужиков за контролируемым мной столиком что-то бросил в бокал Ники, пока второй явно отвлекал внимание, разлив винище по стеклянной поверхности.

– Нет... Нет... Нет... – шептал, наблюдая, как она соблазнительным движением смахивает со стройных обнажённых

ножек красные капли вина. – Ты видел?

– Я надеюсь, что ты не про ножки, – шикнул Кир и резко затыкнулся кальяном. – Кислота?

– Я откуда знаю, Чибисов! Ты же мент! – чуть не заорал, когда Ника залпом опустошила шампанское.

– Да, но я пьяный мент, а это немного... Обязывает, – хрипел Кирилл, как-то суетливо смотря по сторонам. Я даже не сразу понял, что этот жук в погонах камеры вычисляет.

– Зато я не мент...

... – Ну, дальше само завертелось как-то... Мы затеяли потасовку, а потом под шумок расквасили пару морд, – я горько хохотнул, осматривая саднящую руку, костяшки на которой были сбиты, как в молодости. – Как пацаны какие-то...

– Справедливо, – кивнул Гера, перехватывая бутылку, чтобы тоже «обезболиться». – Ой, уволят Чибисова...

– Этот мудак и на Южном полюсе с пингвинами подружится, – я рассмеялся, вспоминая наш последний разговор. – Он, как ни в чём не бывало, следующим утром нацепил погоны и заявился в тот бар брать показания и изымать записи с видеокамер. Притянул драку к ограблению какому-то и такую деятельность там развёл... Ух! Так что не переживай, жопа его прикрыта по всем фронтам.

– А со второй что? Как её.... – Гера защёлкал пальцами, пытаясь вспомнить имя.

– Милка? Она моя одноклассница, между прочим. Страш-

ная женщина, помощником судьи была, а сейчас адвокатице с мощной репутацией. А это зверьё решило знатно позабавиться, скучно им стало пятничным вечером, поэтому и опоили они сразу двух красоток...

– Милу, я так понимаю, откачивал Чибисов? – ржал Керезь. – Ну? Не тяни...

– Хрен его знает. Ника вырубилась у меня в руках. А что мне было сделать? Квартира была ближе всего, вот я и помчался промывать её.

– Промыл?

– Да какой там! – глаза закрыл, вспоминая мертвецки бледное лицо с манящей родинкой над губой. – Я так перепугался, с трудом прощупывая её пульс, Гера! Вызвал капельника, который и колдовал над ней пару часов.

– То есть, засосы по её телу – это от капельницы? – снова загоготал Керезь.

– Чёрт, Гера... Я сам не ожидал, что эта малышка с кошечками в дикую кошку превратится! Я, честное слово, хотел просто помочь...

Глава 9

Вероника

– Что, до сих пор непонятно? – я еле сдерживала злость, объясняя по двадцатому кругу новенькой администраторше, как запустить базу данных. Хотелось схватить её за блондинистые волосы и как шлёпнуть лбом о клавиатуру! Но не могла. Я так хотела в отпуск, а Королёв упёрся и выдвинул ультиматум, что отпустит, если подготовлю себе замену. Ну, какая из неё замена? Пробка с глазами!

Мирон звонил несколько раз, интересовался прогрессом стажировки, но я врала напрапалую, думая только о своих долгожданных двух неделях отдыха. Нет, я не безалаберная, поэтому закрыла всю бумажную работу, что могла и не могла всплыть за время моего отсутствия. Мне просто нужна была живая душа, способная отвечать на телефонные звонки и по необходимости переключать их на нужные отделы! Но, кажется, она и этого не сможет... Да какая мне разница? Потерпят.

– Вспомнила! – возликовала кукла с водопадом мелких кудряшей.

– Слава небесам! – рухнула на кожаный диван и глаза закрыла, стараясь не слышать её противный писклявый голосок. Зина прыгала на моём ортопедическом кресле, цокала коготками по любимой клавиатуре и виртуозно играла на

моих рвущихся нервах.

И я даже улыбнулась, когда в приёмной воцарилась внезапная, но такая волшебная тишина. Стала прогонять картинки, где эта курица утонула в стаканчике кофе, или её убило током от увлажнителя воздуха... Или ноготь свой километровой сломала и кровью истекла... Но когда тишина стала давящей, приоткрыла глаза и тут же вскочила, как неваляшка. Ко всему готова была, даже номер полиции в голове прогнала, но к трём парам хитрющих глаз совсем не была готова. Залпом осушила стакан воды и стала бесцельно перебирать бумаги на тумбе рядом с диваном.

– О! Боссы-тираны! Я уже и забыла, как вы выглядите, – медленно встала, поправила платье, стараясь не смотреть в глаза всех мастей. Ни васильковые, ни чёрные, как августовское ночное небо, меня не волновали...

А вот от прозрачных, холодных, как ледник, в жар бросило!

Я стала делать нервные движения, пыталась подобрать нужные слова, но всё волной вынесло из моей головы, в которой образовалась знатная брешь. Хотелось расплакаться от собственной нелепости, но не могла... Поэтому набрала в лёгкие воздух, досчитала до пяти и открыла глаза...

– Детка наша любимая, соскучилась? – загадочно протянул Гера. – А у нас для тебя подарки.

– Пф-ф-ф, – зашипела я и откровенно грубо вытолкнула «блондинистую пробку» со своего стула. – Иди кофе на-

чальству готовь, с этим-то справишься? Ну, как отдохнули? Нашлялись по морям? И на свадьбе у Мирона погуляли, а Вероничка тут разгребай всё за вас. А мы, Королёв, вообще-то, в одной школе учились, мог бы по старой дружбе и меня пригласить... Вот! — я стала слишком эмоционально вышвыривать на стойку из чёрного закалённого стекла папки. — Петров подписал, включая допы, Бариев продлил на год, а с Юлдашевым как-нибудь сами разберётесь, он гадкий сексист, считающий, что место женщины у плиты, а не за столом переговоров. А с вас, Мирон Михалыч, премия. Я вроде как без крова осталась, а вы мне даже сочувственно не пошуршали банкнотиками.

— В смысле? — подал голос Лёва, всё это время тихо наблюдающий за каждым моим движением. — Когда я уезжал, кров над твоей головой был. Признавайся, Никусь, сожгла к херам многоэтажку? Плывёт сарай, гори и хата?

От его смеха вновь дурно стало. Гнев сплетался с растерянностью от собственной абсолютно по-детски идиотской реакции, захотелось броситься и вцепиться в его...

Чёрт!

Застыла с открытым ртом, рассматривая короткую стрижку. Доний прошёлся загорелой пятерней по волосам, а мне снова воздух перекрыли... Выгоревшие пряди так соблазнительно рассыпались меж его пальцев, он словно дорогой шампунь рекламировал. Подонок!

— Где грива, Лёва? — выдохнула я, пытаюсь отвлечь от сво-

ей реакции шуткой. – Межсезонная линька? Витамины пей, я Зине скажу, она тебе в офис доставку организует. А вообще тебе идёт...

– Акула оттяпала гриву, – он усмехнулся и положил подбородок на высокую столешницу стойки. – Так что с твоим кровом?

– На месте, а вот четыре пары новеньких туфель пришлось выбросить, – встала и топнула ногой, сгребая со спинки кресла пиджак и сумку. – Жду эсэмэску из банка. ЕЁ зовут Зина. Чао! Я в отпуске...

– Стой, Никусь, – Королёв нагло перегородил проход. – А как же наши подарки?

– Ой, оставьте себе, а меня ждут море, солнце, текила и дискотеки до утра, – врала напропалую, тайком наблюдая за лицом Дония.

– Не можем, детка наша любимая, мы больше без тебя ни денёчка не можем прожить, – зашептал Керезь, наваливаясь на стойку. Они переглянулись и одновременно протянули мне ладони, в которых было по ракушке. – Мы привезли тебе обещания...

– Обещания чего, Герман Львович? – я медленно оседала в кресло, прекрасно понимая, что все мои планы на неделю в тишине деревенского уюта и бабулиных пирожков с щавелем начинают полыхать адским пламенем. Три пары разномастных глаз сверкали весельем и чем-то таким странным... загадочным и вовсе не добрым!

– Обещание полного пансиона на три недели, – он заговорщицки подмигнул. – Турция, сентябрь... Пять звёзд, море и всё включено за наш счёт.

– А пока мне нужно побыть пятой женой в гареме вашего знакомого, но очень престарелого султана? – брякнула я, но тут же вскочила, когда вроде бы взрослые мужчины стали хохотать, как дети.

– Не в бровь, а в глаз, – Королёв обнял меня, быстро чмокнул в щёку и приложил раковину к уху. Мысли стали забиваться монотонным тших-тших-тших... И в это мгновение до боли знакомый аромат свежего леса и пряного рома с примесью солнца и горячего песка заполнил лёгкие. Холодная раковина коснулась второго уха. Инстинктивно дёрнулась, пытаясь коснуться его кожи, признаваясь самой себе в полной капитуляции. Это синдром Дония какой-то! Я постоянно ощущаю себя восьмиклашкой с косичками рядом с ним, несу ахиною и трясусь, как чихуахуа. Ладно, хоть слюной не капаю, пусть спасибо скажет.

– Что вам нужно? – прошептала я, пытаясь собрать свои встревоженные мысли в кучу.

– Мне нужна помощница, Сквознячок, – зашептал Лёва, будто случайно касаясь мочки. – Всего на две недели.

– А не пойти ли вам, Лёвушка...

– Фу, как грубо, детка. Пропадёт наш царь зверей, пока Нина в больничке валяется. Не дай погибнуть другу, – подключился Мирон на помощь Лёве.

Не дать погибнуть? Они шутят? Тут два варианта, либо ОН, либо Я!

Открыла глаза, осматривая три пары совершенно серьезных глаз. Не шутят...

– Три оклада, – подмигнул Лёва. – Ладно... Сдаюсь. Четыре!

– И туфли! Хотя бы две пары... – выпалила я прежде, чем осознала, что только что подписала свой мучительно медленный, но определённо смертный приговор.

– Я бы и на пять согласился, – Лёвка наигранно дружески обнял меня, уложив свою ручищу на плечи. – Собирайся, Никусь, сама хотела быть пятой женой в гареме. Считай, что мечта твоя сбылась.

– Доний, а я вот ещё со школы мечтаю врезать тебе по морде, может, и это воплотим?

– Обязательно, но без свидетелей, – Лева махнул друзьям, забрал мои ракушки, бросил их в свой карман и потащил к выходу. – Идём, Сквознячок, тебе у меня понравится.

– Только вернуть не забудь потом! – крикнул вслед Герман Львович, на что Лёва рассмеялся.

Ой, мамочки... Ой, мамочки!!!!

Что происходит? Зачем я согласилась?

Знала, что затея дурацкая, бредовая и чревата последствиями, от которых волосы на голове зашевелиятся, но продолжала идти следом, рассматривая моего нового Босса. Белая рубашка сидела на его идеальном плечевом треугольнике.

ке как влитая. Выгоревшие пряди волос отливали южным солнцем и золотым песком, ладонь вспыхнула от зудящего желания зарыться в них, вдохнуть и вновь утонуть в его опьяняюще соблазняющей свежести. Не чувствовала ног, брела, как замороженная, испепеляя его затылок пристальным взглядом.

Лёва тащил меня через многолюдный центральный сквер, прокладывая путь своей внушительной фигурой, люди раступались, а я млела... Хотелось идти, и идти... Просто дышать им и ощущать большую горячую ладонь на своём запястье.

Это точно вирус какой-то! Я должна держаться от него подальше, должна бежать сломя голову, но вместо этого бреду, как телёнок на убой. А это неизбежно.

– Знакомьтесь, – как только стеклянные двери его офиса открылись, Доний дёрнул меня и припарковал под своим крылом. Его дурацкий шаловливый мизинец поймал сползающую бретельку бюстгальтера, ловко поддел её и спрятал под тканью офисного сарафана. – Это Вероника Николаевна, она будет следить за вами, пока Нинулька болеет, а то от ваших проблем и вопросов моя голова скоро треснет.

Не сразу заметила, что стою перед удивленным коллективом, внимательно, как и я, наблюдающим за волшебством рук шефа. И неизвестно, сколько бы я вот так позорилась, растекаясь мокрым пятнышком, если бы Лёва не ущипнул меня за задницу.

– Привет, – прохрипела я, осматриваясь. – Шутить я не люблю, мне аппендицит вырезали три года назад, зацепив чувство юмора и снисходительность к опозданиям и лени. А вообще очень приятно познакомиться.

Даже Лёва не был готов к такому приветствию, что уж говорить о коллективе. Сотрудники рассеянно закивали головами и шустро разбрелись по отделам, скорее всего, звонить Нине Колосковой, личной помощнице шефа, пожелать ей скорейшего выздоровления. А когда мы остались вдвоём, вновь смогла дышать. Паника стала отступать, а злость на Дония возвращаться.

– Какого хера, Лёва? Я ни черта не понимаю в тачках! Моего «жучка» мне выбирал отец, он, к слову, и следит до сих пор за уровнем бензина и графиком ТО! – я семенила по скользкому гляцевому полу за новым боссом. – Отпусти меня!

– Офис небольшой, ты быстро со всем разберёшься. Это коммерческий отдел, – Лева словно и не слышал моих попыток отмотать всё вспять. Шёл, размахивая руками в сторону кабинетов за стеклянными стенками, изредка заглядывая внутрь, чтобы одарить обязательной порцией своего очарования млеющих девушек. Сучонок! Улыбается тут ходит! Ты посмотри на него! – Тут бухгалтерия, наши волшебницы уже перечислили тебе аванс, на туфельки точно хватит, а остальное получишь только после того, как вернётся Нина. А то тебе нельзя доверять, забывчивая стала.

– Ау! Лёва, ты меня слышишь?

– Здесь обитают менеджеры, – Доний резко свернул в кабинет и – О! ЧУДО! – мужички, треплющиеся на кожаных диванах, вмиг вскочили, поправили галстуки и скрылись за огромной дубовой дверью. – Это выход в зал, где бибики стоят.

– Какие бибики, Доний?

– Новенькие, отполированные и жуть какие дорогие. А вот тут... Святая святых, – Лёва гордо открыл высоченное дверное полотно из чёрного стекла, на котором не было ни единого отпечатка пальчика. – Твоя приёмная. Ну? Нравится?

– О-о-о-о-х... – шумно выдохнула я, осматривая просторное светлое помещение, в отличие от остальных кабинетов, огражденное тонированным стеклом, чтобы не быть рыбкой в аквариуме. Всё здесь было такое... Такое идеально подходящее этому мужчине: чёткие, даже резкие линии переплетались с игривой фактурой натурального дерева и чёрно-белого мрамора, выдавая сложную сущность хозяина. Огромный стол был завален бумагами, телефоны непрерывно звонили, а компьютер пищал истеричным напоминанием о новых письмах на почте.

– Ника... – вздохнул Лёвка и уселся на край стола, так и не разжимая руки на моем запястье. Стояла как вкопанная, чувствуя, как меня тянут... Я, словно невод, плыла навстречу рыбаку, понимая, что уже не могу устоять. – Помоги

мне?

– Хм... А я-то думала, Лёва Саныч просто так мне помог, – бросила сумку на стол, выдернула руку, чтобы отойти от него подальше. – Значит, это плата?

– Это просьба, Ник. Ты же мёртвого в бараний рог свернёшь, это ни для кого не секрет. Сквознячок, ну помоги подружески?

Ответить мне не удалось, потому что в кабинет без стука ввалилась какая-то блондинка на ходулях, она бросила на меня раздражённый колкий взгляд, брезгливо мазнув по длинному крою серого сарафана, закрывающего колени, и продефилировала к боссу.

– Лёв, тут письмо от поставщика пришло, они не хотят больше пачкаться мелкими партиями, – девушка практически оттолкнула меня, чиркнув плечом, будто совершенно случайно.

– Дина, знакомься. Это Вероника Николаевна, ваша начальница на ближайшие две недели, – Лёва выставил руку, словно уловил моё возмущение от столь фривольного поведения. Это что, норма – в этом концлагере для тощих селёдок? – Оставь письмо Веронике, мы обсудим это на совещании.

– Хм... – Дина развернулась на каблуках и медленно вышла из кабинета, виляя задницей так, будто следы за собой заметала.

– Ты уверен? – шепнула я, как только щёлкнул дверной

замок.

– В чём? – Лёва бегло осматривал принесённые бумаги, но я-то видела, что он изо всех сил пытается не улыбаться.

– В том, что я должна тут сидеть?

– Более чем, – он перегнулся, дотянулся до трубки телефона. – Марата вызови ко мне.

– Ну, держись, Лев Саныч, ты сам напросился...

Глава 10

Я готова была рыдать, умоляя Люську оставить меня в покое, но упёртая подруга тащила меня по вечерней набережной в сторону ресторана «Нуар». Тешила только новенькая пара тёмно-синих туфелек, блестящий атлас, россыпь камней на броши переливалась, обещая прекрасный вечер пятницы. А внутри закопошились воспоминания. Опять пятница и Люся...

– Люсь, если я завтра не проснусь в своей квартире, то заблокирую тебя, честное слово. Хотя это не потребуется, потому что я сама отправлюсь в дурдом, пусть поржут над изучением мозга такой тупой курицы, как я! – поправляла задирающуюся от быстрого шага юбку платья, оборачивалась, словно пыталась найти какого-нибудь таинственного преследователя. Но, кроме влюблённых парочек и молодёжи, никого подозрительного обнаружено не было.

– Ника, у меня была адская неделя, у тебя не лучше! Сама жаловалась, что твои боссы бросили тебя одну, – Милка ловила своё отражение в зеркальной поверхности окон баров и ресторанов, что тянулись цепью бесконечности. Подруга кружилась в новеньком чёрном платье с дерзким декольте и заливалась смехом, ловя любопытные взгляды мужчин.

– Поправочка... Теперь у меня один босс, причём новый и лишившийся своей гривы при неизвестных обстоятель-

ствах, – выдохнула я новость, которой не успела поделиться. Хоть мы уже почти две недели живём вместе, потому что депрессия её «Кура» протекала в острой форме и в её квартире, за которую она уже пять лет исправно платит ипотеку, виделись мы довольно редко. В основном – поздно вечером, когда под какой-нибудь сериальчик отмачивали пульсирующие от усталости ножки в тазу с горячей водой.

– В смысле? – Люся застыла на месте, распахнув пухлые губки.

– В прямом! Королёв с Керезем сдали меня в аренду. Угадаешь, кому?

– Пф-ф-ф... К бабке не ходи. И, конечно, он связал тебя и насильно уволок в свой салон? Заточил в светлице и завалял бумажками? – рассмеялась Люся, обнимая меня. – Наручники, плётки? М-м-м... Всё, как мы любим.

– Не говори ерунды. Я сама пошла, потому что он мне пообещал четыре оклада за пару недель и компенсацию туфель, – снова бросила взгляд на сверкающий от вечерних фонарей атлас, и хорошо на душе стало.

– Продалась?

– Получается, – дёрнула я плечами, входя в стеклянные двери ресторана. – Я купила пять пар и расплатилась с корпоративной карты, которую он наивно оставил на моём столе.

– А... Тогда всё понятно, – Люся протянула охране два флаера, которыми её одарили клиенты. – Всё, никаких бос-

сов! Я год пытаюсь попасть сюда, но то денег жалко, то мест нет, поэтому восторгайся, Ветер, тебе крупно повезло.

– В прошлый раз, когда ты так говорила...

– Замолчи, а то накликаешь, – шепнула она мне на ухо, пока симпатичный администратор провожал нас к нашему столику.

Я ахнула, попав в просторный зал, в центре которого красовалась невысокая круглая сцена, переливающаяся неоновыми огоньками. Всё освещение было направлено туда, накрывая сумраком небольшие круглые столики, хаотично разбросанные вокруг. Это была какая-то волшебная атмосфера интимности, таинственности и соблазна... По коже побежали мурашки, подогревая чувство лёгкого возбуждения.

В зале играла тихая музыка, вокруг столиков сновали официанты в строгих костюмах и чёрных карнавальных масках, и лишь негромкий гомон голосов намекал на то, что мы не одни. Нас подвели к единственному свободному столику у самой сцены.

– Меню, – администратор грациозно поклонился, вручил нам золотые папки с эмблемой ресторана. – Могу я предложить вам холодное шампанское?

– Боже, как красиво! – зашептала я, когда мы остались одни. – Люсь, а где мы?

– Наконец-то! – рассмеялась подруга. – Это кабаре, детка.

– Что?

– Да-да... Это откровенное шоу с эротическим подтекстом, – Люся восторженно хлопала ресницами, рассматривая шикарный зал. – Сюда не пускают абы кого. А билет стоит больше, чем я трачу на продукты за полгода.

– Ого...

– Это тебе не тувельки. За отличный вечер? – элегантно взмахнула Люся запотевшим бокалом в воздухе.

– Ни пуха, ни пера... – я даже договорить не успела, как на плечо моё опустилась тяжёлая рука. Смотрела на меняющееся выражение лица подруги ровно до того момента, как за ней не возникла откровенно хитрая морда того самого Чибисова.

– Дамы... – обжег ухо выдох, и меня вновь затянуло в утреннюю лесную свежесть.

– К чёрту, – пропищала Люська, задирая голову. – Чибисов! К чёрту! Изыди!

– Я тоже рад тебя видеть, Милочек, – парень махнул официанту и абсолютно беспардонно толкнул задницу подруги, устраиваясь на диване рядом. И что-то мне подсказывало, что даже МЧС не сможет сдвинуть его с места.

– Сквоз-ня-чок, – по слогам прошептал Лёвка, садясь рядом со мной. – Признаться, я шокирован. Даже думал, что ты мне померещилась, потому что хорошие девочки не ходят в подобные места.

– А природную скромность хороших девочек всегда компенсируют подружки и их непреодолимая тяга к приключе-

ниям, — тихо рассмеялся Чибисов, стрельнул в Люсю хищным взглядом и протянул мне руку. — Кирилл.

— Вероника...

— Вы кого здесь забыли? Мы вообще-то хотели провести время в одиночестве, — Люся начала дёргаться и крутить головой, чтобы найти управляющего, а найдя, так резко взмахнула рукой, что чуть не сшибла бокал, пойманный в последний момент Кириллом.

— Лев Александрович, — расшаркался управляющий перед Донием, похоронив надежду Курочкиной на то, что этих шутников можно отсадить. — У вас всё хорошо?

— Шампанское нормальное принесите, — Лёва закурил и так нагло положил руку на высокую спинку дивана, проскользив по моим открытым плечам. — Дамы, ознакомились с меню?

— Стейк с кровью! — многообещающе выпалила Люся, складывая руки под грудь, но, наткнувшись на шокированный и такой звериный оскал Кирилла, тут же убрала их под стол.

— Тартар из говядины, — махнула я рукой, поняв, что этот вечер уже не спасти.

— Прекрасный выбор, — управляющий забрал меню и исчез...

— Лёва, ты меня преследуешь?

— Иногда мне кажется, что это ты за мной следишь. Ну, признайся, Сквознячок, прошерстила электронную почту

босса, да? Видела, что там приглашение на закрытую премьеру? – Лева выдыхал дым в сторону, лениво осматривая зал с видом абсолютно скучающего человека!

– Кирилл, вы же из полиции? – я сжала губы и повернулась к симпатичному brunetu с охренительно красивыми голубыми глазами. – Как считаете, это можно считать преследованием?

– Вероника, – хрипло рассмеялся Чибисов, с трудом вынимая взгляд из глубокого декольте Милки, – я думаю, что у вас недостаточно фактов для обвинений. Я прав, Людмила Аркадьевна?

– Отвали, Чибисов!

– Вот видишь, – Лёва убрал руку, к теплу которой я уже так привыкла, и чуть сдвинулся в сторону, увеличивая дистанцию между нами. Я получила то, чего хотела, но почему-то стало так грустно...

Доний будто игру какую-то затеял, сменив откровенно хищную осадку на довольно ровную дружескую беседу. Он держал дистанцию, делая вид, что меня просто не существует! Даже Люська купилась на его уловку, начав довольно легко втягиваться в диалог. Они сыпали воспоминаниями о школьной жизни, громко смеялись и то и дело чокались бокалами.

А я не могла...

Ковыряла любимый тартар, украдкой осматривая Дония. Чёрные джинсы и футболка, открывающая рельефный ри-

сунок бицепсов, и расслабленное выражение лица без тени напряженности от трудовых будней. Даже не помню, чтобы видела его таким. Он всегда был одет с иголочки: идеально сидящий костюм-тройка, начищенные туфли и лучезарная улыбка, по которой было невозможно понять, играет он или просто бесконечно счастлив.

Он будто всё это время мастерски притворялся, скрывался за строгим костюмом, аккуратной бородой и длинными волосами, небрежно стянутыми в хвост на затылке. А сейчас он другой... В последний раз в таком неформальном прикиде я видела его на выпускном, когда он пришёл на вручение аттестата не в лоснящемся костюме, а в косухе и драных джинсах с металлическими клёпками.

Смотрела на него тогда из зала и слюни пускала, да что я... Полшколы издавало томные вздохи, когда троица вытащила огромную корзину цветов, чтобы отблагодарить классу, вечно прикрывавшую их «невинные шалости».

Он был недостижимый и манящий хулиган. С ним хотелось сбежать с уроков, прыгнуть на его чёрный мопед и умчаться в закат. С того выпускного мы не виделись. Долго. Очень долго... Плохиш из квартиры напротив съехал от родителей, а я заставила себя влюбиться в его лучшего друга Мирона Королёва, чтобы забыть чёртового Лёву Дония. И даже получилось... Вроде.

Встретились мы только лет через пять. Мама всегда говорила, что профессия преподавателя бессмертна. Да, она пра-

ва, конечно. Только вот, чтобы прожить на эту зарплату, и правда нужно самой быть бессмертной, отказаться от непреодолимой любви к красивой обуви и желанию путешествовать.

Проработала в школе я недолго, и то, скорее, чтобы порадовать матушку. А когда она наигралась в династию учителей, я со спокойной душой уволилась и стала экспериментировать со сферами деятельности. Вот в последнем эксперименте меня и нашёл Керезь. Я работала в приёмной администрации города. А что? Работа не пыльная, если умеешь руководить людьми, а этот опыт я ещё со времен преподавания вызубрила на пятёрку. И каково же было моё удивление, когда, придя по приглашению Германа Львовича на собеседование в старый офис «Сэйф-групп», встретила всю школьную компашку в полном сборе. Царёв, Королёв и, мать его, Доний...

Не знаю, что меня соблазнило больше: обворожительная улыба Лёвы или по-дружески щедрая зарплата, озвученная Мироном. Иногда, прячась от Дония в самых укромных местах офиса, до сих пор представляю, как я гордо отказываюсь от этой должности и выхожу из кабинета, виляя задницей... НО! Не сделала. Поэтому и сижу сейчас, пьянея не от шампанского, а от его ужасающей близости. Лёва... Он рядом.

Не успела понять, что делаю! Честно, не успела. Моя ладонь сама скользнула по его ноге вверх от колена. Впивалась ногтями в грубую ткань джинсы, слышала скрежет, чувство-

вала, как напрягаются его мышцы. Кожу жгло, внутри всё клокотало от всплеска адреналина, ударяющего в мозг в синхрон с сердечными импульсами. Я не могла дышать... Задыхалась, умирала, но так тихо, неслышно ни для кого, кроме мужчины, что сидел так близко.

Внутри всё смешалось: страх, возбуждение и желание, что буквально расплескивалось с каждым миллиметром опасного пути по его джинсам. Скользила, пока не встретилась с горячей ладонью. Лёва, очевидно, тоже не успел подумать, потому что тут же сцапал мои пальцы, сжимая их с такой силой, что вскрикнуть захотелось, но вместо этого я лишь сжала бёдра. Внутри все запылало, воздух вылетел из лёгких, а глаза закрылись, впуская меня в густое облако тумана. Это сон, Ника... Это сон, в котором я смелая, взрослая, сижу рядом с женщиной, до которого не дотягивал ни один из моих парней...

Забыла я его. Забыла... Вот только он шаблоном отпечатался где-то на подкорках, к которому и примерялись все, кто пытался достучаться до моего сердца. Кому-то удавалось подойти чуть ближе, а кто-то не дотягивал даже до отдалённого сходства.

Я чувствовала, что всех равняю к тому мальчишке из 11-го класса, что разорвал моё сердце, но упорно не желала верить в это. А теперь? Теперь сама тянусь, потому что к шаблону может подойти только исходник, который был вырезан из памяти много лет назад.

– Вау! – зашипела Люся, дёргая меня за свободную руку. –
Смотри, Ветерок, смотри!

Через силу распахнула глаза, медленно, без интереса осматривая сцену. Красивые полуголые девушки выпорхнули в центр, а мне всё равно было, потому что пара прозрачных, потерявших холод голубых глаз были направлены только на меня. Он хмурился, чуть наклонял голову, словно пытался что-то понять. Не улыбался, не было в нём этой лёгкости, свойственной ему, лишь глазами шарил по моему пылающему лицу.

Смотрела и я, видя в нём того самого старшеклассника из собственных ночных грёз. Всё те же огромные распахнутые глаза, густые тёмные ресницы, правильные черты лица, поблекшие шрамы на скуле и затянувшийся прокол в ухе. Он всё тот же... Хулиган, укравший моё сердце. А теперь? Он вернёт его, или вырвет с корнем те частички, что ещё поддерживают мою веру в любовь?

Не отрывалась, откровенно пожирала глазами, пока в зале не вырубили свет. Ленивые блики чайных свечей, плавающих в декоративной инсталляции на столе, подсвечивали только два прозрачных кристалла его глаз.

«Дыши... Дыши...» – уговаривала я себя, но невозможно это было. Его рука соскользнула со спинки дивана, опустилась на талию. Лёва обнял меня, практически прижал к себе, зарываясь лицом в волосы.

– Кто ты? – зашептал он на ухо, царапая лёгкой небрито-

стью кожу скулы. – Где мой Сквознячок из «А» класса? Я не узнаю тебя, Ника...

Я вовремя поймала стон, откинула голову, прижимаясь к нему ещё теснее, и рассмеялась.

– Быть может, ты просто меня не знал? – смотрела в сверкающие глаза, окончательно растеряв стыд и страх.

– Ты со мной играешь? – он тёрся щетиной о мою щёку, резко втягивал воздух через нос и выдыхал через рот, будто отчаянно хватался за остатки самоконтроля, наивно полагая, что это ещё возможно.

– Нет, это ты играешь.

– Играю с Ветром? – в последний раз выдохнул он, прошепел своими мягкими губами по моим и замер.

Дыши, Вероника... Дыши...

– И что же мне сейчас делать?

– Поспорить на меня, как тогда, в восьмом классе...

Глава 11

– Поспорить на меня, как тогда, в восьмом классе...

Эта фраза, что занозой сидела в моем мозгу, вылетела сама... Мы с Люсей ахнули в голос... Бросила взгляд на абсолютно ошарашенную подругу и закрыла ладонями рот, чтобы не брякнуть ещё что-нибудь, но было уже поздно. Волшебство момента рассеялось, Лёва дёрнулся, как от пощёчины, и вытянулся натянутой струной, возвращая дистанцию между нами. И холодно стало... Глаза его вновь потеряли тёплый перелив обласканной солнцем морской волны, а на лицо вернулась дежурная и абсолютно формальная улыбочка. Он преобразился мгновенно, будто занавес опустился, отдаляя от меня тёплого и родного Лёвки.

– Ты точно головой ударилась, Сквознячок, – он закурил и медленно отвернулся к сцене. – На кой ляд мне на тебя спорить?

– Это прошлое, Лёва, – схватила бокал шампанского, лишь бы скрыть трясущиеся руки, и стала делать маленькие глотки, забывая даже дышать. Меня разрывало от вихря эмоций и воспоминаний, что черно-белыми картинками застряли в голове.

Не смотрела на него, но и за невольными свидетелями своего позора наблюдать не очень-то хотелось: Люся сверлила разгневанным взглядом бывшего одноклассника, а Кирилл

делал вид, что происходящее на сцене куда интереснее трагедии, разыгравшейся за столом, вот только губы его дергались от прорывающейся едкой ухмылки.

– Если бы всё это было в прошлом, то твой прелестный ротик не извергал бы глупости, – Лёва резко обернулся, снова закинул руку на изголовье, наклоняясь так, чтобы нас не слышали. – А поведай мне эту увлекательную историю, Никусь? Давай, только с красочными подробностями?

– Ничего я тебе рассказывать не буду, – залпом опустошила бокал, а потом и бокал подруги, пытаюсь унять бешеное сердцебиение, вот только алкоголь не мог утешить зудящую многолетнюю обиду. Не мог... – Что ты из меня дурочку тут делаешь, будто сам не помнишь. Хотя-я-я... У тебя же было столько баб, что воспоминания о малолетке с косичками наверняка покрылись толщей пыли! Просто отвали, Лёва. Мы были детьми.

– Мы были детьми, – передразнил он меня, усмехнулся и наполнил опустевший бокал ледяным игристым. – Именно поэтому взрослая, самодостаточная женщина, сидя на эротическом шоу, вспомнила о школьных обидах? И то, как ты сейчас морщишь нос и дуешься – это же так по-взрослому. Да?

– Да нет обид, Лёва. Нет... – я нервно размахивала руками, даже пыталась улыбнуться, но его пронзительный взгляд будто прожигал меня насквозь.

– А-а-а...! Стой-стой... Кажется, я начинаю врубаться. А

не из-за детской ли, естественно, давно прошедшей обиды взрослая Ника постоянно растворяется из офиса, стоит мне переступить его порог? Ну? – Лёва дернул меня за руку, заставляя повернуться, но я не могла. Упиралась, явно забавляя Люську с Кириллом, но все равно отбивалась от его рук, лишь бы в глаза не смотреть.

Мне было дико стыдно, страшно и неудобно! Вот теперь точно хотелось оказаться дома, в мягкой кроватке и ворохе бархатных подушечек, чтобы поплакать в полном одиночестве. Да, обидно мне было! Обидно! Моё сердце было растоптано, уничтожено и пеплом развеяно над головами танцующих на той школьной дискотеке! Я до сих пор помню смешки, толчки и сотни насмешливых взглядов, направленных на меня...

– Уже ничего не изменить, – процедила я и, сделав над собой усилие, отвернулась. Во мне будто тумблер переключился, трепет и бесконтрольный прилив нежности лопнули мыльным пузырем, от брызг которого слезились глаза.

– Ясно, – сухо и безэмоционально выдавил Лёва.

Это было последнее слово, обращенное в мою сторону до конца представления. Он снова надел маску шутника и остряка, засыпая накал напряжения искрами своего легкого юмора. Уже и Люся расслабилась, и Чибисов перестал ухмыляться, погрузившись в магию современного искусства. Мне тоже было некуда деваться, поэтому я сделала вид, что целиком и полностью погружена в происходящее на сцене.

Голова вибрировала от мечущихся мыслей так, что вдохнуть хотелось, но не было воздуха... Не было... Выжег всё собой дотла. Я словно вновь на пепелище вернулась, где, кроме разочарования и беспомощности, не было больше ничего.

Сжимала край стола, чтобы выплеснуть напряжение, но бесполезно это было. Поведение Дония лишь сильнее распалило мою злость. Он словно перестал меня замечать, вскакивал с дивана, отчаянно аплодируя актрисам, и на пару с Кириллом свистел так, что уши закладывало.

Я умоляла себя не смотреть в его сторону! Вновь и вновь повторяла, что это всего лишь мой временный босс, которому меня, меркантильную и тупую особу, сдали в аренду, но не могла!!

Меня магнитом тянуло к нему. Пока он смотрел на сцену, я могла безнаказанно любоваться его красивым профилем, мягкими уверенными движениями и мечтать о том, что это все мне снится. Да, он уже не был тем притягательным хулиганом из квартиры напротив, но было стойкое ощущение, что обиженная восьмиклассница до сих пор плачет внутри меня...

... – Ну? А теперь и поиграть можно. «Или-или»? – громче всех вопил Слава Юшков, разливая из картонной коробки вино с красивым названием «Изабелла». – Учителя спрятались в учительской, а Сева видел, как завуч в пакете пронес

шампанское. Поэтому гуляем!

– Слава, ты вечный ребёнок, – Люся помогала Ксюше переодеться после выступления, держала плотную ширму, чтобы парни не подглядывали. – Лишь бы нажраться, подраться и поиграть.

Мы сидели в просторной гримерке за сценой в привычной компании ребят, с которыми всегда проводили дискотеку. Мишель, Люсинда, несколько парней из десятого класса, но все моё внимание было приковано к Донию и Королёву, как-то слишком бесстрашно курящим на подоконнике. Вдыхала ненавистный табачный дым, смешанный с по-весеннему липким, сладким от цветущей сирени воздухом, влетающим в распахнутое окно, и откровенно улыбалась.

Мы с Люской и Сене́й были в оргкомитете школы, да и просто первыми зачинщиками всякого рода праздников и сабантуев. Вот и сегодня, чтобы разбавить типичное дрыгание под современный «тыц-тыц», мы переоделись цыганками и устроили представлением с гаданиями по ладони, «золочением ручки» и танцами.

Подглядывала за ним, стараясь отогнать мысль, что это последняя дискотека перед выпускными экзаменами, что не увижу больше в школе Лёвку, оттого и играла в шпионку, желая продлить это мгновение. Вжималась в стену, чтобы быть незаметной, и дышала через раз, лишь бы не спугнуть, старалась не двигаться, чтобы не привлекать внимания звоном маленьких колокольчиков и монет, пришитых по низу цы-

ганской юбки, украдкой наблюдала за Мироном и Лёвкой из-за груды плакатов. Парни были увлечены своим тихим спором и не обращали на нас внимания. Куда им до малолеток? Естественно...

Доний сидел, упершись подбородком в колено, и слушал Королёва, лениво кивал и крутил в руке цепь, пристегнутую к карману широких джинсов. Готова была воспарить к небесам за подаренные мгновения близости, впитывала каждое его движение, резкие смешки, привычку поигрывать правой бровью, и таяла восковой свечой. Дура! Конечно, дура! Он был самым популярным парнем в школе, а на меня смотрел, как на букашку, которую можно случайно раздавить.

– Можете не играть, раз трусили... – Славка спрыгнул со стремянки, на которой сидел, залпом выпил вино из пластикового стаканчика и вышел из каморки, стрельнув в меня каким-то странным, незнакомым взглядом.

– Ксюш, что за игра? – прошептала я.

– Тебе предлагают на выбор задание, а ты выполняешь то, что легче, – красная от переодевания Сеня выскочила из-за занавески. – Только в следующий раз тебе дают снова задание, в котором отвергнутый вариант является самым простым. Это лохотрон, Сквознячок, в котором ты постоянно вынужден выполнять чужие прихоти. Особенно со Славкой не вздумай играть, он до сих пор забыть не может, как ты отказалась с ним в кино идти.

– Когда это он тебя в кино звал, мелкая? – заржал Коро-

лѐв. Мы так увлеклись трепом, что и забыли, что не одни. За что и поплатились.

– Королѐв, а ты вот прям всё должен знать, да? – Мишель бросила в друга пустым стаканчиком. – И вообще, чего вы тут сидите? Валите оба!

– Щаз-з-з... Свободная страна, как говорит наш любимый историк, – Лѐва затянулся и выпустил плотное кольцо дыма в нашу сторону.

Меня словно мелкими гвоздиками прибили к стене, лишив возможности шевелиться. Смотрела в его огромные голубые глаза, и почему-то плакать хотелось, ну так, по-настоящему, вслух. Украдкой щипала себя, чтобы не рухнуть в обморок, а Доний будто мысли мои прочитал, усмехнулся и вновь отвернулся, потеряв интерес.

– А ты играла, Люсь? – ещё тише зашептала я.

– Юшков ещё в лагере придумал эту игру, и очень скоро всем парням она капец как понравилась, – усмехнулась Мишина.

– В неё все играют, – Люся подтолкнула меня за ширму, откровенно поторапливая. – Переодевайся, и забудь о Юшкове. Гад он. Гад. Поняла?

– Ага, – скинула быстро пыльное тряпье сценического костюма и стала переодеваться.

– Смотри мне! – взмахнула кулаком Ксюша у меня перед носом и подтянула бархат выше, чтобы скрыть меня по самую макушку. Я горько вздохнула, вновь уколовшись о со-

жаление, Людмила вместе с Донием выпустится в этом году из школы, а в следующем уйдут и Ксюша с Королёвым, и от этой мысли становилось так горько-горько, что слёзы снова застилали глаза.

– А почему гад, Люсь? – натянула футболку и выглянула к подружкам.

– Вы всё? Переоделись? – Лёва прыгнул с подоконника, закинул в рот жвачку, как-то странно царапнул меня внимательным взглядом, а потом неожиданно подмигнул. – Не вздумай играть со Славкой, малявка.

– Ой, Доний... Вали отсюда со своими наставлениями, – Люся вытолкнула парней и с облегчением опустила тяжелую ширму. – Ник, а ты, правда, давай быстрее! Сейчас руки подсохнут держать эту бандурину.

– Почему не играть?

– Потому что он всё равно тебя обманет...

Но мне уже было все равно. Сладкое вино шумом отдавалось в голове, а перед глазами стоял образ подмигивающего Дония. Внутри все трепетало, летало, взрывалось разноцветными хлопушками, а сердце щекотали бархатные бабочки. Настроение улучшилось, мы с девчонками закрыли гримёрную, отдали ключ охраннику и рванули в гущу беснующихся подростков, чтобы ещё успеть потанцевать до закрытия.

– Ника-Ника-Вероника... Где же твои косички и платье с розочками? – Юшков поймал меня у питьевого фонтанчика в коридоре, когда я выскользнула из зала смочить горло.

Он так нагло обошёл вокруг меня, осматривая с ног до головы. А мне сквозь землю хотелось провалиться. Юшков был из той же компании, что и Лёвка, и Мирон. Они вместе играли в баскетбол, ездили на турниры защищать спортивную честь школы, вместе курили в школьной теплице на заднем дворе и играли на гитаре под моими окнами до рассвета. Если бы не Люся, я б и не вспомнила, как он год назад подкатывал ко мне в летнем лагере.

– Я тебе же ясно сказала отстать? – вытирала взмокшие ладони о юбку короткого джинсового сарафана, оглядываясь по сторонам. Подруги до сих пор танцевали, и не было ни единого человека, кто мог бы помочь сбежать от этого прилипалы.

– А я всегда добиваюсь того, чего хочу, – он нагло надул пузырь из жвачки. – Одна ты вся такая правильная, скромная, вечно идеальная девочка с косичками. Ты, как куколка, что вот-вот превратится в бабочку.

– Слав, тебя там твоя девчонка ждёт, а ты с малолеткой в коридоре треплешься, – попыталась свести всё в шутку, вот только Юшков подходил всё ближе и ближе. Светлые, вечно взлохмаченные волосы, круглое лицо и красные щёки были его визиткой. Он не менялся, лишь вытягивался в росте, сохраняя детскость в лице, вот только взгляд у него был жгучий и пыливый, что ли.

– А может, ты мне нравишься?

– А может, ты мне нет?

– Ну? Поиграем, Ветер? – Слава усмехнулся, решив пропустить мою смелую колкость мимо ушей.

– Отстань!

– Давай, Сквознячок, я же вижу, что хочешь. «Или-или»?

– Отвали, Сова. Медведь пришёл, – грозный рык запустил мурашки по спине, я резко обернулась, впечатавшись в мужскую грудь, и стала оседать от неожиданности. – Малявок не трожь. Ясно?

Доний поймал меня, поставил на место, как хрустальную вазу, поправил джинсовку и скрылся в толпе, даже не обернувшись.

– Танцуешь со мной ИЛИ с Донием? – Слава заиграл бровями и уже потянул ко мне свои ручки, думая, что я струшу! Но во мне будто бомба взорвалась...

– А теперь белый танец! – как-то слишком вовремя прозвучал на весь актовый зал голос ведущего.

Я осмотрела довольного Юшкова и внезапно бросилась в толпу, поймала Лёву за руку и дёрнула на себя.

– Сквознячок?

– Потанцуем? – казалось, что я даже не шепчу, а просто шевелю губами. Горло пересохло, пальцы, которыми я сжимала его горячую ладонь, взмокли, а ноги стали подкашиваться, отчего я лишь сильнее хваталась за Лёвку.

– Хм... – парень быстро обвел взглядом толпу, а потом наклонился и прищурился. – Мелкая, ты перегрелась?

– Белый танец... – выдавила я из себя, задыхаясь от пере-

полняющих эмоций.

– Ты играешь, что ли, Ветерок? – Лёва хмыкнул, притянул к себе и уложил мои руки себе на плечи. – Я говорил тебе не связываться со Славкой?

А мне было все равно! Я просто готова была улететь от счастья. Сжимала ворот его футболки, гладила дрожащими пальцами открытый участок кожи, закидывала голову, пытаюсь рассмотреть его лицо. Почему-то хотелось увидеть улыбку, понять, что ему нравится наша близость, вдыхала какой-то сладкий парфюм и прижималась.

Нагло. Абсолютно пошло! Но так сумасшедше приятно...

Он медленно вращался, держал руки на спине, даже не думая опуститься на талию, но мне этого было достаточно. Это как выиграть в лотерею, призом которой является исполнение желания. Так вот, Лёва Доний, мой сосед, с самого рождения и был моим желанием.

Я иногда прикладывалась ухом к розетке, чтобы послушать, как он играет на гитаре в своей комнате, и ревниво наблюдала в дверной глазок за толпой девчонок и парней, вваливающихся к нему в квартиру после школы. Он был моим принцем, только, к сожалению, пока этого не понимал. Но сейчас! Сейчас же он должен понять? Должен ощутить, что я – та самая???

Прижималась к его груди, слушала ровное биение сердца, ловила удивленные взгляды толпы и готова была сгореть от высшего счастья. Лучше уже быть не может!

– Пора платить, Доний, – голос Юшкова все испортил, а Леву толкнули прямо в спину, отчего мы слишком опасно пошатнулись. – Поцелуешь Ветер или Катьку Зорину?

Я повернулась, смотря в прищуренные, злые глаза Юшкова, танцующего с самой красивой девушкой в школе. Парень еле переступал с ноги на ногу, таращился на нас поочередно, а потом и вовсе замер, смотря Лёве прямо в глаза. Это был настоящий поединок, правда, без драки, копий и криков. Тихое противостояние двух парней, между которыми растерянно застыла я.

– Отвали, Сова. Ты нарываешься сегодня, – захрипел Доний. – Не сейчас!

– Сейчас, Лёва, сейчас... – шептал Юшков, наклоняясь все ближе. – Ну? «Или-или»?

– Конечно, Катьку. Неужели ты думаешь, я буду целоваться с малявкой Сквознячком? – усмехнулся Лёва, убрал руки и, резко развернувшись, поймал Зорину за локоть, притянул к себе и поцеловал прямо в губы!!! Девчонка не сопротивлялась, прижалась к нему и закинула руки на шею, где ещё недавно лежали мои.

Мне сквозь землю хотелось провалиться. Пик счастья превратился в адовый котёл, в котором меня варили черти заживо! Сотни глаз смотрели на меня, а потом раздался дикий смех, заглушающий все вокруг.

– Идём! – Сеня выдернула меня из ада, где Доний до сих пор сосался с Зориной, не боясь учителей, Славка Юшков

зловеще хохотал, а вслед я слышала лишь: «Дура, Зубрилка с брекетами. Да он же зацепится о твои железки! Малявка!».

Дорога до двери была бесконечной... Слышала смех, чувствовала тычки и медленно умирала...

– Он выбрал её, – шептала я, прижимаясь к плечу подруги. Девчонки распихивали толпу и уводили меня с последней дискотеки, что останется ожоговым воспоминанием.

– Мы спорили, что ты пригласишь его танцевать, а потом Лёвка поцелует первую попавшуюся девчонку! – Славка догнал нас у выхода. Мало ему моего позора? Так он ещё специально продолжал вопить на весь школьный двор о том, что случилось. – Тебе надо было выбрать меня, Ветерок! Меня, чтобы не быть идиоткой. Меня! Надо было выбрать меня... А теперь сама виновата!

«Неужели ты думаешь, я стану целоваться с малявкой-Сквознячком...»

Глава 12

Вот и сейчас, спустя почти двадцать лет, смотрела на морду его слащаво-красивую и ждала в любой момент позора...

– Мне домой надо, – прошептала я, выскользнула из-за столика через очумевших Люсю и Чибисова и рванула к выходу, пытаясь сдержать слёзы. Навязчивые воспоминания застилали глаза, сердце билось от закипевшей обиды и от жалости к той маленькой восьмикласснице, которую растоптали.

Лёва прав... Я не забыла. Просто сделала вид, что пережила тот позорный день и пошла дальше. Но это не так... Ничего я не забыла. С воспоминаниями в носу защекотало от запаха мела, горячей выпечки с корицей, сладкого компота в огромной кастрюле, свежей краски в решетчатой школьной раздевалке и терпкого аромата цветущих гераней на подоконнике в учительской. Не забыла... Ходила в школу, как на каторгу, пока толпа жестоких подростков не нашла себе новую жертву.

Выбежала из ресторана и бросилась через дорогу, не слыша возмущённых сигналов очумевших водителей, не видя осуждения во взглядах прохожих. Села на бетонное ограждение, вдыхала свежесть вечернего воздуха, пытаясь успокоиться. Грудь болела от резких вдохов, голова кружилась, а в носу до сих пор стоял этот ужасный аромат школы...

Дышала... Дышала... Вновь и вновь, чтобы вытравить этот дурман прошлого. Всё сломала. Собственными руками разодрала всё в клочья, пустив по ветру над рекой... Нависала над водой, видя, как в мелкую рябь падают мои горькие слёзы. Кап-кап...

– Идем, Сквознячок, – его мягкий вкрадчивый голос не напугал... наоборот, мне почему-то было страшно, что он больше никогда не придёт. А ещё через мгновение мою ладонь обожгло касание. Я медленно повернула голову, натываясь на ледяные голубые глаза, и застонала... О! Нет...

– Куда?

– Домой. Тебе же надо домой? Отвезу, – Лёва взял меня под локоть и потянул в сторону парковки. Движения его были резкие, рваные. Он словно и не пытался скрыть всю степень своего раздражения, лишь распахнул дверь, втолкнул в салон и быстро обошёл машину, будто могла убежать. А я не могла... Без него не могла...

Лев молчал, задумчиво почесывал подбородок, позабыв, что и аккуратную бороду постигла кара Германа. Не замечал он этого, плавал в своих мыслях, лишь подёргивал губами, ведя с самим собой диалог. А я смотрела на него, сверлила напряженным взглядом висок, надеясь прочесть мысли, скользила по резкому профилю и давилась никому не нужным сейчас восторгом.

Снова превратилась в малявку, что пересилила свой страх и пригласила школьную звезду на танец. Снова доверилась.

Не знала, куда он меня везёт, зачем и для чего... Просто сидела в кресле, обняв себя руками, глотала предательские слёзы, не в силах оторвать от него взгляда... Из-за слёз он был далёким и чужим. Я словно смотрела на него через мутное, составленное стекло, и лишь только густой аромат пьяного рома напоминал мне, что это Лёва... Мой Лёва.

Пересилила себя и отвернулась к окну. Даже не заметила, когда пошёл дождь... Крупные капли падали на стекло, разрываясь уродливыми кляксами, разбивались на крошечные слезинки, стыдливо убегая от порывов ветра. Город будто чувствовал бурю, что сносила внутри всё живое, утопал в моей тоске, а небо сверкало вспышками гнева, разрывающими душу в клочья. Столько лет молчала, а теперь? Что теперь? Для чего? Чтобы потерять его вновь? Превратиться в двух людей, уже никогда не смотрящих друг другу в глаза?

Ненавидела ощущение слабости и беспомощности. Переела я этого в школе, оттого и жизнь свою выстраивала так, чтобы ни за что и никогда не испытывать вновь. Назло самой себе пошла работать в ту самую школу, давилась столовский едой, глотала горький аромат этой долбаной герани и мучилась мигренью от запаха краски. Всё живо было... Но потом затянулось. А Лёва вскрыл! Как нарыв. Показал, что не вылечилась я, а лишь зализала рану свою, как кошка. Глупая... Боже, Вероника...

– Глупо, да? – выдохнула и закрыла ладонями покрасневшее лицо, сама не понимая, кому я это говорю? Напряжен-

ному, как тетива, Лёве, или самой себе? Безопасная тишина лопнула тонкой льдинкой, оглушив так, что задрожали перепонки. И уже было ничего не исправить... А нечего было исправлять.

– Смотря что, – Лёва резко открыл окно, закурил и сбросил скорость, перестраиваясь в правый ряд. Высовывал голову, словно ждал спасительных холодных капель, чтобы прийти в себя, и снова нырял в тёплый салон. – Ты серьезно думаешь об этом все это время?

– Да.

– Ветер, ты шикарная женщина, мужчины шеи сворачивают, когда видят тебя, а ты все время думаешь о той школьной дискотеке?

– Думаю, Доний! Думаю! Моську твою красивущую вспоминаю с ухмылочкой дежурной, и то, как ты сцапал Зорину руками и к себе прижал на виду у всех! Помню ваш поцелуй до мельчайших подробностей! Помню! Помню! – Внезапно заорала я и стала отчаянно лупить его по рукам, ногам, умудряясь впиваться ногтями. Хотелось сделать больно, чтобы показать то, что я чувствовала тогда! Пусть он знает, каково это – превратиться в изгоя, в ту, над которой можно смеяться и издеваться! Пусть ощутит, как может быть больно просто дышать... Как рыба, выброшенная на берег, умираешь от каждой долгой секунды собственной казни... Спасительный кислород раздирает лёгкие, обжигает, а когда боль стихает, ты снова делаешь вдох...

– Ты унизил меня! Понимаешь? Какая, к черту, разница, сколько мне сейчас лет? Тридцать, сорок или пятьдесят? Ты меня перед всей школой растоптал и исчез. Доволен? Ну? Ты этого хотел? Только вопрос: зачем я тебе спустя двадцать лет? Снова спорить на меня будешь? Можно ставку поднять, ведь я уже не та наивная девчонка с косичками. Может, и на работу ты меня взял, чтобы перед подчиненными унижить?

– А-а-а, – протянул Лёва, сверкнув ледяным взглядом потухших глаз. Он не сопротивлялся, даже бровью не дёрнул, снисходительно терпя мои удары. Я готова была к отпору, готова была драться и выбивать из него признание, что он – подонок, поспоривший на меня! Но он и не думал сопротивляться, смотрел то на меня, то на дорогу, дразня безжизненной голубизной глаз. И вроде нужно злиться, морду ему в ключья разодрать, но вместо этого я прислушивалась к странному вибрирующему звуку прямо в сердце... Странно... Оно не так болит. А я знаю, как оно болит...

Машина взревела, Лева резко выкрутил руль, разворачиваясь на светофоре. А я лишь закусил язык и отвернулась к окну, наблюдая, как капли добровольно разбиваются об асфальт, не беспокоясь о вспышке своей разрушенной жизни. И всё равно стало. Выговорилась, выплонула обиду, и апатия накрыла. Понимала же, что везёт он меня не домой, но сил словно совсем не осталось. Казалось, что уже ничего не может меня удивить этим вечером, но вдруг тёплая мужская ладонь с силой сжала мои пальцы, словно пыталась забрать

всю дрожь и остатки истерики.

– А говорить ты не пробовала?

– О чем? Ты спорил на меня, Лёва! Спорил! Думаешь, не знаю? Все я знаю, Юшков мне все рассказал тогда! Я ненавижу тебя! Слышишь? Так что можешь не смотреть своим пустым туманным взглядом, и улыбочку свою отвратительно-сладкую спрячь. Не действует это больше на меня! – новая волна дикой злости захлестнула с головой, пальцы сжались, впивалась ногтями в его руку, видела, как из незатянувшихся ран на костяшках его пальцев сочится кровь, но продолжала намеренно делать больно. Упивалась этой низкой и подлой мстостью, наслаждалась, а внутри рыдала маленькая девочка: «Отпусти его... Отпусти!».

– Ненавидишь? – наконец-то взревел Лёва, и я выдохнула. Он перехватил меня за руку и резко ударил по тормозам. Вывизгнула и по инерции полетела к лобовому стеклу, но он с силой дёрнул меня и прижал к груди. У меня больше не осталось сил терпеть, поэтому я разрыдалась прямо на плече своего обидчика. А он будто этого и ждал, сжал мои волосы, потянул, заставляя посмотреть в глаза. Наклонился, сокращая расстояние, и когда я уже не могла дышать от трескущей тишины, зашептал:

– Ненависть – это очень сильное чувство, Ветерок, такое же, как влюбленность, страсть, возбуждение. Ты уверена, что ненавидишь меня? – это был не шепот... Нет... От шепота не ползут мурашки страха и ужаса. Меня колотило мелкой дро-

жью, я обмякла в его хватке, утопая в потемневших, наполненных яростью глазах. Тонула... Захлёбывалась, не имея шанса на глоток воздуха. И надо бы промолчать, но уже ничего не изменить...

– Ненавижу, Доний! Слышишь? Ненавижу... – шептала, а сама вздрагивала от каждого хлёсткого слова.

– Значит, ненавидишь?

– Я терпеть тебя не могу, – шептала я, с ужасом наблюдая, как он снова наклоняет голову всё ближе и ближе. Ловила взгляд такой тягучий, мягкий, искрящийся грозowymi молниями и чем-то тёмным, таинственным и пугающим поволокой беспросветного тумана. Меня словно в дурман серый затягивало, а я тонула, наслаждаясь близостью, позабыв, что ещё пару минут назад убить его готова была. Забывала дышать, мысленно орала, пытаюсь привести себя в чувства, но не могла. Дрожала от ощущения его ладони, аромата таёжной свежести и пряного горького рома. Ненавижу! Должна ненавидеть! Но это не так...

– Не трожь меня, Лёва. Ты же врешь! И глаза твои врут...

– Врут? – он прижался ко мне лбом, чтобы не дергалась, и зашептал: – А ты не врешь, Ветер? Ненавидишь? Что ты несёшь, девочка? Ты же хочешь меня... Посмотри, как твое тело реагирует на прикосновения? Трясёшься, убеждая себя, что это страх... Если кто и врёт здесь, Ника, то это ты...

Влажные от дождя пальцы начали свой бег по моей открытой спине, он словно пересчитывал табун мурашек, на-

слаждался дрожью и улыбался, когда я, пытаюсь найти укрытие, прижималась к нему все крепче. Мы словно сливались воедино, вытесняя бестолковые миллиметры дистанции.

Дышала в унисон, чувствовала его сумасшедшее сердцебиение, вдыхала пряный сладкий аромат и глотала слёзы. Безвольная... Тогда была такой, и сейчас ничего не изменилось. Реву, ненавижу и одновременно таю от его близости. Вжимаюсь в него, сливаюсь с дыханием и вру... Вру, что ненавижу.

Слышала возмущенные гудки водителей, изумленные взгляды на чокнутую пару, застывшую посреди проспекта в центре города, но все это было пустым, важно лишь таяние ледника в его глазах, нежное касание и такие редкие выдохи. Тело полыхало, а такое жгучее, ничем не утолимое возбуждение концентрировалось внизу живота, пугая бабочек...

Он дождался, когда я успокоюсь, вернул обратно в кресло, пристегнул и только после этого тронулся с места. Хотелось задать миллион вопросов, но я продолжала молчать. Закрывала глаза и решила, что этой ночью весь мир подождёт.

– Куда ты меня везешь?

– Туда, где на твои вопросы найдутся ответы, – он больше не смотрел на меня, отклонился, чтобы увеличить дистанцию.

– Расскажи сам...

– Я лгу, – выплюнул он и дёрнул бровью, лишь на мгновение коснувшись меня взглядом. – И глаза мои лгут. Но знаю

я одного человека, которому ты, безусловно, веришь.

Я тогда не придавала значения его смешку, а надо было бы. Доний включил музыку и больше не проронил ни единого слова.

Безвольно следила, как за окном мелькают офисные небоскрёбы, щедро окрашивающие серые жилые кварталы неоновыми вспышками. Всмотривалась в рекламные щиты, которых стало так много, улыбалась водителям в потоке и искала ладонь человека, которого ненавижу. Скользила пальцами по замше сидений, искала утешения в холоде храма, желая только единения...

Лёва понял и подхватил мои пальцы, укладывая на рычаг коробки передач, сжал и больше не отпускал. Наверное, вот так выглядит жалость? Или так выглядит страсть? Потому что если это не она, то я умираю... Кровь закипает, чёткость зрения плывёт, тело огнём полыхает, а в голове слышен неровный сбивчивый пульс...

Очнулась я, лишь когда Лёва легко свернул в сторону центрального парка, пикнул брелоком пульта, а ещё через мгновение стало понятно, куда мы едем.

Охрана высыпала из будки, прикрываясь чёрными дождевиками, а признав начальника, засуетилась и открыла шлагбаум. Он свернул с брусчатой подъездной дорожки и стал вилять между ровными рядами машин, пока не остановился у высоченных жалюзийных ворот с торца здания. Я не успела осмотреть эту часть территории, поэтому крутила головой

как болванчик.

– Не выходи, – выдохнул Доний и открыл дверь, ныряя в стену дождя. Внутри все клокотало, и я бездумно открыла дверь, угождая прямым в его объятия. Лёва зарычал, дернул кожаной курткой, расправляя её над нашими головами, словно парус, и мы побежали к полоске света, сочащейся под воротами.

Слух резанула громкая музыка, а в нос ударил запах машинного масла и бензина.

– Сова, вставай! Медведь пришел! – пнул в косяк Лёва и аккуратно перенёс меня через высокую ступень двери.

– Куда ты меня тащишь?

– За правдой, Ника. Ты же хотела? – Лева дернул меня, как куклу, нагнулся, заглянул в глаза и снова понёсся по боксу, обходя машины, составленные так тесно, что приходилось буквально протискиваться. – Сова, мать твою!

– Ты время видел? – я даже вскрикнула, когда дверной проём в подсобное помещение заполнила внушительная фигура. Мужчина в синей рабочей форме подтягивался, растопырив руки, и только после этого повернул голову.

– Юшков? – ахнула я, когда луч света скользнул по знакомому лицу. Не изменился... Всё те же светлые спутанные волосы, красные, как от диатеза, щёки, лишь взгляд стал взрослым, потухшим, лишённым радости. Я запомнила его другим...

– Ну? Поиграем, Сова?...

Глава 13

– Ника-Ника-Вероника? – Славка был удивлен не меньше моего, хотя отчаянно пытался придать лёгкость своему поддрагивающему голосу. – Каким ветром тебя занесло?

Я застыла. В прямом смысле этого слова. Рассматривала высокого мужчину, замершего в дверном проёме, пытаюсь поверить, что это не сон, а гребаная реальность... Он был растерян, смущён, нервно теребил мятую синюю форму и поправлял растянутый ворот заляпанной футболки. Отводил взгляд, бесцельно смотря на циферблат наручных часов, ожидая, когда я растворюсь, как видение.

Почему-то так отчетливо поняла, что не рада... Та часть истории была под запретом, под личными санкциями, а Доний, мать его, за один вечер вытряхнул всё дерьмо прошлого наружу.

– Смешно, – хмыкнул Лёвка, наконец-то отпустил мою ладонь и сел на капот машины, сложив руки на груди. Чувствовала его ползающий напряженный взгляд, переходящий с меня на растерянного Славу. – А мы тут со Сквознячком катались по ночному городу, скучали. Думаем, дай друга школьного навестим? И хорошо, что приехали, шутками своими развеселил нас с порога. Может, тогда поиграем, Юшков, в игру твою любимую? Тряхнём стариной?

– Лёва? – сделала шаг, взяла его руку и затрясла, чтобы

он перестал отворачиваться. Мне было нужно понять, что он затеял! Для чего это представление? Или... Или... – Что ты хочешь узнать? Давай я сама тебе расскажу? Только прекрати комедию ломать!

– А что ты мне, Никусь, можешь рассказать?

– Ты сначала определись, чего хочешь, а потом очные ставки устраивай! Что рассказать? Почему я должна перед тобой оправдываться? Кто ты для меня? – я шептала, надеясь, что Славка ничего не услышит. Прижималась губами к колючей мужской щеке и не дышала, чтобы не отравлять душу этим запахом его соблазнительным. А когда воздух в лёгких кончился, снова выпрямилась... Глаза его были стеклянные, за толщей брони нельзя было разглядеть ни единой эмоции. Не сдастся, и мне уйти не даст. Эта мысль обухом обрушилась на меня, подкатывающие слёзы высохли, и даже сердце успокоилось. – Мы встречались в одиннадцатом классе...

Я даже продолжить не успела, захлопнула на полуслове рот, потому что толстенное стекло рассыпалось мелкими осколочками, выпуская беснующийся лютый звериный взгляд...

О-о-о-ой...

Не то... Не то сказала...

– Что вы делали? – он выплюнул дым и резко обернулся в Славину сторону.

– Лёв, ты бредишь? – приложила ладонь к его лбу, ёжась

от жара, ошпарившего ладонь. Да он горел, кожа красная, глаза кровью налились, как у кровожадного животного перед атакой, пара только из ноздрей не хватало, но тут неплохо справлялся сигаретный дым. Дышать перестала, смотря на разъярённого мужчинку, отдалённо похожего на шутника Лёву.

Есть минуты, когда в голове мыслей становится настолько много, что ты просто выключаешься. Всё становится бессмысленным, чистым, как белый лист, будто кто-то нажал кнопку «Del».

– Сова-а-а... – угрожающе потянул Доний, медленно скинув мою руку со лба. Лёва сделал резкую затяжку, щелчком отправил окурочок в урну и медленно оборвал наш зрительный диалог. – Давай поиграем? Ну давай?

– Лев Саныч, ты пришел ночью в гараж, чтобы поиграть? Точно самодур, – Слава отводил взгляд, нервно брякал инструментами, то сгребая их в ровные ряды ящиков, то раскладывая в странном, понятном только ему порядке.

– Согласен. Давай, Сова, «Или-Или»?

– Пошел ты, – шикнул Слава и хотел было смыться в подсобку, но застыл на пороге от слов начальника.

– Вот тебе мой ход, Юшков: или ты рассказываешь, или уволен, – Лёва в последний момент рукой преградил мой путь отхода, когда наблюдать за всем этим уже не было никаких сил. – Твой ответ?

– Ты серьезно? – Славка рассмеялся, продолжая рассмат-

ривать меня, как куклу. Его липкий и довольно наглый взгляд скользил по ногам, а в районе декольте и вовсе застыл, будто о торчащий гвоздь зацепился. – Из-за неё? Мы ж со школы дружим, Лёв.

– Все, с меня хватит! – я развернулась на каблуках и хотела было сбежать с арены этого цирка, но он резко поставил ногу на крыло соседней машины, перегородив и без того узкую дорожку. – Лёва, что ты тут устроил? Давай ещё стрелку забьём или пойдем курить за школу? А на двери накарябаем «химичка дура»?

Передо мной уже был не Лёва, передо мной был Лев, которого именно я весь вечер дёргала за усы, заставив извергать пламя гнева. Так какого черта я пытаюсь убежать? Не отпустит.

– Это важно для тебя? – Доний наклонился, скользнул рукой по талии, больно впился пальцами и развернул к себе. – Именно ты, детка, это начала, а я закончу. Давай, Юшков, вещай. Только быстро, я есть хочу, поэтому краткий экскурс по правде.

– Отвали, – шикнул Слава и, немного подумав, собрался уходить.

– Мне кажется, или ты струсил? – Лёва снова закурил, наблюдая за мужчиной. – Или ты тоже хочешь услышать мою правду?

– Лёва! О чем ты говоришь? – силы иссякли... Видела настоящую лютую ненависть в глазах, понимала, что лучше бы

мне сбежать и забыть об этом вечере, но ноги ослабли. Ухвати-лась за протянутую ладонь, оказавшись прижатой к тому, чьё дыхание болью отдавалось в самом сердце. Должно было быть так! Он ведь должен приносить боль и разруху... Вот только сейчас я чувствовала себя в странной безопасности, от которой хочется закрыть глаза и смаковать каждое мгновение. – Слава, говори уже, и я пойду.

– Доний не спорил на тебя, – выдавил Славка. Искала внутри остатки чувств к тому, кто стал моим первым мужчиной... Но пусто было. Голос его стал глухим, потеряв юношескую звонкость, но черты лица были очень узнаваемы. И даже морщины и неряшливая небритость не портили его. – Это я спорил...

Эта фраза разрядом тока отпечаталась в сознании. Я больше ничего уже не слышала и не видела. Лишь ощущала верную руку, на которую и опиралась, потеряв силу в теле. Стояла, раскачивалась, как чокнутая, пытаюсь собрать хаотичные буквы в слова без смысла. Потому как смысла в них не могло быть...

– Я был молодой дурак, Вероника! Пацан, что с меня теперь взять? – Слава рванул ко мне, но Лёва, почувствовав дрожь страха и отвращения, выставил ладонь в предупреждающем жесте, и мой бывший школьный друг замер, как истукан. – Тихон сказал, что у меня кишка тонка затащить в раздевалку ту, с кем будет сосаться Доний! Да все же знали, что он с каждой дискотеки уходил с новенькой! Нас с

пацанами порядком задрало, что все только и шептали: «Лёва! Лёва! Лёва...». Обидно стало, что объедки приходится со стола этого царя зверей подбирать. И на доске почёта висит его физиономия, и в спортзале установили алтарь медалями, кубками и грамотами этого придурка, будто он один за школу в баскетбол играет! Хотелось поднастрять этой «звёздочке» перед выпускным, чтобы знал, что девочки остаются в надежных руках...

Я слышала слова, понимала, что этот словесный понос покаения уже не остановить, сжимала запястье Лёвы и смотрела в тёплые-тёплые голубые глаза. Они несли спокойствие, не было там искр наигранного веселья, лишь тепло свечного огонька и уютное потрескивание фитиля. Мужчина, которого я привыкла ненавидеть и тайно обожала, обнимал меня, успокаивающе поглаживая по спине. Он был рядом, пытаюсь разделить боль, что выплескивалась с бесконтрольными слезами. Рядом...

— ... Я знал, что Донию уже донесли о споре, поэтому и уверен был, что он выберет тебя предметом нашей шалости! Ну кто ты ему? Никто... А Зорина красотка, звезда школы, не чета малолетней зубрилке со скобками. План был верняк! Мне так хотелось проучить тебя за то, что при пацанах отшила меня, отказавшись идти в кино. Вот я и решил отомстить и затащить тебя в раздевалку, чтобы они видели, что никто не может мне отказывать. Но Лёва выбрал не тебя... Вернее, получается, он выбрал тебя. Пришлось Зорину та-

щить в раздевалку, где уже ждал Тихон с фотоаппаратом, – Слава говорил так быстро, что глотал некоторые слова, приправляя щедрой порцией мата. – Она, кстати, даже не сопротивлялась, потому что Лёва впервые ушёл с дискотеки один следом за тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.